

Артур Котляров

ВОЕННАЯ ПРИСЯГА

Кислородное голодание

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Артур Котляров

Кислородное голодание

«Автор»

2026

Котляров А. В.

Кислородное голодание / А. В. Котляров — «Автор», 2026

Описание моей службы в армии в 1988-1990 годах 20 века. Все так, как было на самом деле - без прикрас. Здесь и мордобой, и мат, и драки. Здесь и возмужание вчерашнего школьника. И тоска по дому и девушкам. Мечта о высшем образовании. Словом, тут все, что может быть в жизни молодого парня 20 с чем-то лет. Это книга не об армии, это книга про людей.

© Котляров А. В., 2026

© Автор, 2026

Артур Котляров

Кислородное голодание

Кислородное голодание или Пауки в банке.

Солдатам и матросам, сержантам
и старшинам срочной службы
посвящается.

Пролог.

В жизни каждого человека бывают экстремальные ситуации. Одна из них –это служба в армии. В нашей стране служба в армии составляла до 2008 г. 2 года для рядовых и сержантов срочной службы. Этой службе я отдал часть своей жизни в период с 1988 по 1990 г.г. в Забайкальском военном округе. Казалось бы, 2 года- это краткий отрезок времени. Но в армии за это время происходит столько событий, сколько на гражданке происходит где-то в течении 8-10 лет. Там время не то чтобы останавливается, но кажется невыносимо долгим, особенно в начале службы.

Я назвал свою книгу «Кислородное голодание или Пауки в банке».. Почему именно так? Дело в том, что когда у человека происходит кислородное голодание, мозг его утрачивает свои основные функции, здоровье медленно, но неуклонно подтачивается. Человеку не хватает воздуха!

Что может быть хуже? Кислородное голодание в армии- это когда саму жизнь человека душат, не дают глотнуть свежего воздуха полной грудью, когда день и ночь тяжелые работы, воинская подготовка и свирепые нравы молодых парней, готовых задушить друг друга за право быть сильнее, наглее, лучше других. Кровавые, пещерные законы царят здесь.

Пауки в банке - это сами солдаты и офицеры, готовые задавить друг друга в кровавом кошмаре под названием армия.

Эта книга - не для слабонервных людей. Я не советую ее читать тому, кто морально не готов воспринимать нашу армию как зону, как мир крайне жестоких и бездушных людей. Или тому, кто думает, что служить в армии - это действительно «почетная обязанность каждого гражданина». Это - горькая правда о солдатской Советской армии периода конца горбачевской перестройки.

Я писал свою книгу не с точки зрения профессиональных военных-офицеров и прапорщиков, которые служат там исключительно по собственной инициативе, т.е. армия для них – это профессия. Я писал ее только с точки зрения рядовых и сержантов срочной службы - людей, которые находятся в армии по своей обязанности, служат по призыву. Это очень важно, так как это абсолютно разные категории военнослужащих, и их отношение к армии тоже совершенно разное.

В своей книге я использовал фрагменты из воспоминаний очевидцев, рассказы друзей и знакомых, а также эпизоды из некоторых литературных произведений, среди которых мне хотелось бы отметить книгу Валерия Примоста «730 дней в сапогах», «Штабная сука», «Мы лоси», повесть Вадима Чекунова «Кирза», эпизоды из художественных фильмов «100 дней до приказа», «Делай раз!».

Я почти ничего не преувеличил, немного отойдя от правды в область художественного вымысла. По понятным причинам, изменены фамилии и имена моих сослуживцев и командиров. Из интеллигентного мальчика за 2 года я превратился в, еще конечно очень молодого, но

уже настоящего мужчину. Я написал эту книгу как личные воспоминания, свое отношение к событиям многолетней давности, т.к. считаю, что жизнь человека, в том числе, должна состоять и из воспоминаний.

«Дух» или «салага» - тот, кто только призвался, до полугода. Это никто, ноль. «Дух» шуршит днем и ночью. Он всем подчиняется и всем должен. Всегда во всем виноват, и получает больше всех. «Фазан» или «торчок» - от полугода до года. От «духа» отличается только тем, что может им руководить иногда. Подчиняется «черпакам» и «дедам». «Черпак» или «котел» - тот, кто прослужил от года до полутора. Руководит «духами» и «фазанами» и подчиняется «дедам». «Дед» - от полутора лет до двух, т.е. до «дембеля». Руководит всеми призывами, подчиняется только прапорщикам и офицерам. «Дембель» - тот же «дед» после выхода приказа министра обороны о ДМБ, и до отъезда домой.

Любовь, улыбку, доброту
Я посвящаю лишь тому,
Кто долг свой родине отдал
Или два года честно ждал.

Глава 1.

В начале декабря 1988 г я получил повестку из военкомата о явке 7 декабря на контрольную явку. В ту пору мне едва минуло 19 лет. Я окончил ГПТУ-21 по специальности токарь и работал на заводе. В ту пору я был худеньким, высоким юношей, получившим интеллигентное воспитание одинокой матери, только немного окрепший в училище и на заводе. Физическая подготовка была почти на нуле. До 6 декабря я носил длинные волосы, почти до самых плеч. Но 7 декабря распрощался с ними, как и со всем, что окружало меня тогда: с девочками, с друзьями, с работой и, вообще, с гражданской свободой, которую начинаешь ценить только тогда, когда лишаешься ее. Теперь пришло время идти служить, «выполнять свой долг по защите отечества».

Всего нас было человек 15 призывников. Дежурный по военкомату офицер внимательно осмотрел нас. Кто был не подстрижен - постригли. Кто был не побрит - побрили. Вольный воздух «гражданки» уже в военкомате сменился атмосферой жесткой регламентации и строгого распорядка. Ранее, до армии, я морально готовился встретить ее с высоко поднятой головой. Все тогда знали по газетам, по радио и телевидению о том, что творится в армии, особенно у солдат срочной службы. Все слышали о пресловутой «дедовщине», об избиениях и издевательствах солдат друг над другом, да и офицеров над солдатами. Все знали о том, что армия отупляет и уродует людей, что в солдаты нередко попадают люди, не имеющие ни желаний, ни способностей к тому, чтобы «переносить тяготы и лишения воинской службы». Реальность оказалась гораздо страшнее всех рассказов. Я был подготовлен к армии очень плохо. Атмосфера воспитания, дух моей семьи способствовали слабому физическому развитию. Рос я без отца, братьев у меня не было. Моя интеллигентность в армии обернулась против меня, т.к. интеллигентность в армии - это слабость. А жизнь слабого человека в армии равносильна смерти или такому существованию, хуже которого только смерть. Итак, я готовил себя к тяжелым испытаниям.

В тот день, 7 декабря, на контрольной явке нам дали перечень вещей, которые можно взять с собой, и одеть. Сейчас время уже стерло в моей памяти лица моих товарищей по призыву. Последний раз был дома вечером 7 декабря 1988 г. Мне предстояло уйти на два года неизвестно куда. Мать уже выплакала все свои слезы и молча сосредоточенно собирала «узелок». Продукты питания в то время стоили гораздо дешевле, чем после 1992 года. Поэтому с

едой было проще. Тяжелее было с вещами. Я очень долго решал, что именно мне надеть и что с собой взять, прекрасно понимая, что скорее всего вещи потом надо будет просто выбросить, или их кто-нибудь отнимет. Накануне купил новый рюкзак, в который и сложил все. Как сказал дежурный по военкомату офицер, все гражданские вещи потом можно было выслать домой посылкой, но вещи все я одел такие старые, которые потом можно было только выбросить. На другой день, 8 декабря, прибыл в военкомат ровно в 9 часов утра, находясь в исправной одежде и имея все необходимое: кружку, ложку, миску, полотенце, мыло, зубную пасту и щетку, ручку и десяток конвертов. Кроме того, мой рюкзак был полон домашней снеди: копченой колбасы, жареной курицы, двух буханок хлеба, трех банок сгущенки, сыра и яблок. Все это было рассчитано примерно на пять дней. Мать меня не провожала. Уговорил ее остаться дома, чтобы не расстраивалась лишний раз.

Мы все-15 человек- сели в автобус и поехали на железнодорожный вокзал. Там уже находилось множество других молодых людей, которые призывались в армию из других военкоматов. Началось то, что обычно бывает в таких случаях. Многих ребят провожали в армию родители, многих девушки, которые пели старую песню:

Не ходил бы ты, Иван, Во солдаты!

Некоторых не провожал никто. Среди них был и я. Я нервно курил и старался за напускной веселостью скрыть охватившее меня чувство неотвратимой неминуемой беды. Духовой оркестр заиграл «Прощание славянки».

Вскоре мы прибыли в Сызрань на большой пересыльный пункт, откуда призывников везли уже в воинские части. Сопровождал нас майор Петров, который раньше знал мою мать. В Сызрани мы вошли в большое здание, издавек напоминающее тюрьму. Это было уже что-то похожее на воинскую часть, с той лишь разницей, что вход туда был свободный и ходили там не солдаты и офицеры, а гражданские ребята. Внутри казармы было все такое же, как и в настоящей армии: 2-х ярусные кровати, заправленные по-солдатски, такая же холодная и жестокая чистота везде, такой же убогий туалет.

Словом, здесь я впервые ощутил себя в армии. Здесь и началось то, что обычно происходит в армии между солдатами: первые разговоры о гражданке, первая дружба, тоска о девушках, первые драки и первая жестокость.

Среди множества молодых ребят мне запомнился один парень, который, как выяснилось в последствии, уже закончил музыкальное училище. Он был тот, кого обычно называют «рубашкой-парнем», играл на гитаре, пел, балагурил, постоянно рассказывал анекдоты и всех веселил. Многие ребята, еще совсем дети - вчерашние школьники, тянулись к нему, потому что он повышал настроение, отгонял мрачные мысли. Вскоре, измученные, мы заснули.

Глава 2.

Проснувшись на утро, мы встали и пошли в столовую на завтрак. Столовая была такая же, как и в армии, с той лишь разницей, что, помимо бесплатного завтрака, обеда или ужина, в ней еще продавали разные коржики, ватрушки, соки и прочую снесь. Раздавала еду какая-то пожилая женщина. Взяв поднос, я поставил на него железную миску с полупрозрачной кашей, положил кусок белого хлеба с маслом и кружку с чаем. Сев за стол с одним моим товарищем по военкомату, которого звали Паша, мы стали есть.

-Фу, как противно,-- сказал Паша, поковырявшись в своей тарелке. Быстро ее отодвинув, он принялся размазывать масло по хлебу. Я, в отличие от Паши, не был избалован вкусной домашней едой, которую ему в изобилии дали с собой родители. Поэтому молча ел то, что дают, не задавая много вопросов. Вдруг увидел, как к нашему столу подошел какой-то чурка из

средней Азии и взял с моего подноса хлеб с маслом. За его действиями хладнокровно наблюдали рожи за соседним столом, той же южной национальности, к которым и вернулся наглец. Поначалу я просто оторопел от такой наглости. Но, быстро придя в себя, вскочил и двинулся к соседнему столу. На меня уставились три то ли узбека, то ли таджика, один из которых и взял мою пайку.

-Ты зачем взял мой хлеб с маслом? Быстро отдай! - сказал я.

-Хлэб? Какой хлэб? Ты что, дорогой?- спросил один из них, осерев гнилые зубы.

По их наглым физиономиям я понял, что это подонки и без драки не обойтись. Страшная волна гнева и ярости обрушилась на меня. Схватив лежавшую на столе ложку, я изо всех сил саданул по лбу чурку, взявшего хлеб.

-Вот такой, падла! – заорал я.

Все трое повскакивали с мест и бросились на меня. Вокруг поднялся переполох, раздались крики. Нас разняли сидевшие рядом ребята. Однако, один из моих обидчиков успел быстрым и коротким ударом разбить мне нос. В ответ я ударил его ногой в пах.

Если бы не державшие его за руки пацаны, он бы рухнул на колени от боли.

- Прекратить безобразие! -вдруг раздался среди всеобщего гвалта властный голос. Все обернулись. В дверях стоял дежурный по сборному пункту офицер с четырьмя звездочками на погонах, что означает звание капитана.

-Разойтись!- обратился он ко всем.

-А вы - ко мне, - приказал он нам.

Все нехотя разбрелись. Капитан отвел нас в сторону.

-Так, в чем дело?- быстро спросил он. Я коротко объяснил, что произошло.

- Фамилия?

- Чья? Моя?

- Ну не моя же!

Я назвал свою фамилию.

- Откуда родом?

- Из Куйбышева.

- В какую часть направляют, не знаешь?

- Нет пока.

-Так, а вы?- обратился он к остальным.

Чурки по очереди назвали себя.

-Я доложу в Ваши части вашим будущим командирам о том, кто вы, и как себя вели здесь. В часть не успели приехать, а уже драка! Вы эту гражданскую дурь выбросите из головы! Иначе хана Вам в части. Там не я, а «деды» вам разъяснят что к чему, - назидательно произнес офицер.

Вернувшись в спальное расположение, я застал там моих новых приятелей по призыву.

- Ну что, как? - посыпались вопросы.

- Молодец, врезал этим козлам, мудакам. Не бойся, если что, можешь надеяться на нас. Если что, мы за тебя заступимся, - заверили они меня.

Тогда я впервые понял, как много значит поддержка друзей, теплое слово товарища в армии. От отношения к тебе сослуживцев зависит в армии все: здоровье и даже жизнь.

Одиночка в армии будет изгоем и будет жить очень тяжело до самого «дембеля».

Однако новой предполагаемой стычки с моими новыми обидчиками больше не было. Поздно вечером, часов в восемь, неожиданно объявили отправку тридцати человек в часть, в Пензенскую область. В их число попал и я. Собрав все вещи, мы построились на плацу.

Началась вечерняя «поверка». Проверив наличие всех присутствующих дали команду выходить строиться на улицу. Никакого духового оркестра здесь уже не было. Затем строем мы двинулись на вокзал.

Глава 3.

На утро следующего дня мы прибыли в учебную часть в г.Каменка Пензенской области. Первым делом нас повели в баню. Настроение у меня и у моих друзей так себе ни о чем. Именно тогда мы видимо поняли, где мы на самом деле находимся. Отныне мы были людьми военными-солдатами. Отныне всю нашу жизнь определял кто-то, но не мы сами. То есть мы стали в какой-то степени рабами- очень зависимыми людьми.

Я снял свою гражданскую одежду и увязал в тугий узел. Совершенно голый я взял железный тазик и прошел в помывочное отделение. Примерно те же чувства, что испытывал тогда я ,испытывали видимо узники концлагерей времен 2 мировой войны., заходя в газовые камеры .Там я нашел мочалку похожую на пучок соломы и кусок хозяйственного мыла .Я быстро вымылся. Мои друзья мылись рядом. Андрей был родом из Минска ,с Украины, Сергей -из Москвы. Вышли мы из бани уже через другую дверь и тут же нам выдали военную форму: гимнастерку и брюки, портянки, нижнее белье, сапоги ,брючной ремень, поясной ремень, шапку и шинель .После помывки в бане все мы стали свежие и розовые, как поросята, одетые в пока нелепую не подогнанную военную форму без знаков отличий. Выйдя из бани, я увидел, что автобус на котором мы приехали в часть уже уехал.. Там остался мой рюкзак, где лежала еще не доеденная еда, мой комсомольский и военный билет, который мне выдали еще на сборном пункте, взамен приписного удостоверения и другие вещи.. Я бросился к сопровождававшему нас крупному и усатому майору.

-Товарищ майор, разрешите обратиться !-и не дожидаясь ответа продолжил.- Машина уехала! Там остался мой рюкзак! Там документы! -выпалил я.

-Стоп! Какие документы? Еще раз! –спросил майор.

Я все объяснил. Майор вдруг помрачнел.

-Зря ты его там оставил!- сказал. он, задумавшись на секунду. –Сержант Егоров!- позвал он одного из окружающих нас сержантов.Тот быстро подошел.

-Слушай, сгоняй в боксы. куда уехал пазик,- быстро приказал он. -Этот парень забыл там вещи. Сходи с ним и принеси. ...И смотри у меня там!- почему-то вдруг добавил он.

Мы быстро пошли вместе с этим сержантом куда –то вниз =-в автомобильные боксы.

Наконец мы зашли в один из них. Пазик -автобус стоял в полумраке на первый взгляд совершенно пустой. Сержант заглянул внутрь. Я- вслед за ним. Внутри в кабине водители сидели четверо уже бывалых солдат, в том числе и водитель этого автобуса. Все они были обложены забытыми призывниками рюкзаками с домашней едой, которую они усиленно поедали. Сержант быстро объяснил ситуацию. Солдаты милостиво разрешили мне забрать мои вещи. Когда мы уже уходили, один вдруг говорит мне:

-Ты откуда?

Я сказал.

-Как зовут?

Я назвал.

-Слушай, братан! - вдруг ослабил он.- Будет кто обижать, скажи мне.- понял? Так и скажи, мол Серега из взвода обеспечения -меня прикроет.

Я испуганно кивнул. После этого мы с сержантом быстро пошли назад. Возвращаясь к вышеизложенному хочу объяснить, что я не раз попадал позднее в армии в неприятные ситуации. Но я никогда не прибежал к помощи более старших призывов.

И о существовании этого моего нового «заступника» я вскоре забыл напрочь. Мне это было совершенно не интересно. Я слишком был занят тогда только собой. Я понял тогда одно: что здесь как и в зоне, нельзя было верить никому. Никто не мог быть здесь тебе помощником

и другом. особенно старослужащий. Друзей здесь можно было искать только среди таких же как и я- сослуживцев моего призыва.

Построившись в колонну по три, мы под командой сержанта, двинулись в казармы.

-Раз! Раз! раз, два, три! - задал счет сержант- Ничего, ребята! Скоро вы научитесь здесь ходить.

Прибыв в казармы, каждый из нас получил все необходимые знаки отличия и все мы уселись все это пришивать. Многие брились, чистились,. гладились.

Атмосфера вокруг была пока спокойной. Старослужащие сержанты и рядовые разговаривали между собой отборным матом. Даже учась 3 года в ПТУ до армии я не слышал таких отборных выражений. Пришивая погоны, петлицы, шевроны и пуговицы к повседневной пэша, к парадной форме и к шинели, я здорово изранил себе руки иголкой. Вот где пригодилась моя усидчивость и терпение к кропотливой работе, приобретенная еще в детстве. Окончательно все пришить получилось только через несколько дней.

Вскоре объявили построение. Нас повели в учебный центр недалеко от нашей казармы. Здесь выяснялась профессиональная пригодность каждого призывника: его гражданская профессия. какие-либо другие занятия и увлечения. Я попал в связисты из-за врожденного музыкального слуха. Отныне определилась моя дальнейшая служба -быть связистом в войсках связи, в частности радиотелеграфистом.

Глава 4.

Уезжают в родные края
Дембеля, дембеля, дембеля!
И куда ни взгляни в эти майские дни
Всюду пьяные ходят они!

Такую песню распевали в казарме те, кто по сроку службы еще подчинялся дембелям, но уже командовал салагами.

...Потянулись дни и недели наполненные тем, что называют тяжелой солдатской службой. С утра подъем в 6ч 30мин,затем зарядка на улице в любое время года, завтрак, построение на плацу, развод на занятия, кроме заступающих в наряд, обед, опять занятия, ужин, подготовка к завтрашнему дню, отбой в 22ч 30мин. Забегая вперед скажу, что зарядка на улице отменялась командирами только в том случае, если на улице было более 20 градусов мороза. Тогда все, одев шинели, шли на уборку территории, прилегающей к воинской части, где находились дома военного городка.

Примерно такой распорядок дня ждал нас все ближайшие 2 года. «Отбой»-самая радостная команда особенно для молодых солдат. «Звучит отбой и молкнут звуки и ты поднять не можешь руки»-такие стихи сочиняли мы тогда, а пока мы слышали другую песню, песню о тех, кто свое уже отпахал и кто скоро поедет туда, куда мы так рвались в своем сердце, особенно в первые месяцы службы- домой.

До свиданья родной КПП,
Не сидеть больше мне на губе
До свиданья, «кусок»,

Службы кончился срок,
До вокзала теперь марш-бросок!

На вокзале девчонка в слезах,

Тихо шепчет: останься ,солдат!
Но ответил солдат: пусть на Ваших плечах,
Руки новых лежат салажат!

Здравствуй край наш милый, родной!
Ты встречаешь нас своей красотой!
Где 2 года назад провожала нас мать
Желторотых тогда салажат!

Примерно через месяц после призыва мы торжественно принимали присягу-клятву на службу Отечеству. В сильный мороз нас построили на плацу. В зимней форме одежды, с автоматами на грудь каждый из нас выходил из строя по команде и читал текст:

«Я,(фамилия ,имя, отчество),гражданин союза Советских Социалистических Республик, принимаю присягу и торжественно клянусь...»

Далее следовал перечень того, в чем собственно мы клялись. Не знаю почему ,но несмотря на торжественность и амбициозность происходящего, я почувствовал тогда фальшь и маскарад подобных заявлений. Слишком горек был вкус крови на разбитых губах после драки, чтобы верить таким словам на подобном мероприятии. Но как бы там ни было в начале января 1989 года присягу мы приняли и теперь мы были уже в полном смысле военными людьми-воинами страны Советов.

Глава 5.

Отшумел отъезд «дембелей» по домам. Успокоились, улеглись страсти по дому. Отныне в казармах верховодили «деды» -новые начальники после отъезда дембелей. Звание сержанта или ефрейтора почти ничего не значит ,если это касается молодого воина-служащего меньше года. Только гордое звание «черпака» или «деда» придавало серьезный вес сержантским лычкам.

...Незадолго до присяги я впервые был в наряде по столовой. Его я запомнил как просто сон-кошмар. По разнарядке я попал в варочный цех. Моя задача была в том, чтобы мыть котлы и бачки от пищи и поддерживать общий порядок, т.е. не менее 4 раз за наряд надо было вымыть там пол. Вместо обычного обмундирования нам выдали грязное, старое ,подменное. Мы разошлись по местам .

Вдруг откуда-то из глубины столовой вышел высокий и здоровый солдат-повар в белой куртке и колпаке.

-Кто в варочный? -грубо спросил он. Взгляд его скользнул по нам троим. И остановился на мне.

-Пойдем со мной,- сказал он мне и повел вглубь столовой. Мы пришли в огромный зал с блестящим кафельным полом ,вдоль стен стояли большие ванны, в центре стальные столы и в углу- огромная плаха с огромным топором для рубки мяса. В двух ваннах, наполненных до краев водой, лежала гора свежемороженой рыбы, которая оттаивала в воде. Здесь же находился еще один повар, чистивший рыбу большим ножом.

-Откуда родом?- спросил меня первый повар-солдат.

-Из Куйбышева- ответил я.

-Сколько тебе лет?

-Девятнадцать

-Из какой ты батареи?

-Из восьмой.

—Видишь у рыбы глазки?— спросил первый, закончив свои вопросы,— Это очень вкусное блюдо на Востоке. Ты не пробовал?

—Нет— ответил я.

—Значит сегодня попробуешь впервые. —резюмировал повар и как-то странно взглянул на второго своего товарища. Тот осклабился. Они стали потихоньку пересмеиваться.

—Вычищай глазки и складывай их сюда —сказал второй повар и указал на большую металлическую миску.

То, что эти двое решили надо мной поиздеваться стало ясно сразу. Спорить с ними было для меня бесполезно и не безопасно. Я уже догадался, что главный здесь —это первый повар. Он был старше по призыву и здоровее второго. Я начал вычищать у рыбин глазки большим ножом. Когда глазков набралось уже штук 15, старший повар приказал мне:

—Ешь глазки!

Я взглянул на него. Он не шутил. Возражать было никак невозможно. Я осторожно взял один глазок и попробовал. Ощущение было ужасным: ничего более отвратительного я ранее никогда не пробовал. Я сморщился и сплюнул.

—Ты что, бя?! —заорал дед —Не нравится? И я их ел и Серега ,—назвал он по имени своего сослуживца. —А ты отказываешься? Иди сюда! —он указал на место у стены цеха.

—Руки по швам!

Я опустил руки по швам. Он быстро и коротко ударил меня поддых. Я согнулся пополам и задохнувшись от боли сполз по стене на пол. Однако больше меня не трогали.

—Очухался? —спросил здоровый —не хочешь есть глазки?

—Нет —ответил я— Глазки мерзкие ,гадкие. Я не хочу.

--Ладно! —вдруг заговорил второй повар— Иди сюда !—и он указал на плаху с огромным топором для рубки мяса и рыбы. Я подошел.

—Клади руку на плаху!— приказал второй—клади!

Я понимал, что это не более, чем злая шутка, что никто не отрубит мне руку и все равно медлил.

—Клади быстрее руку, падла,— повторил младший —сейчас снова получишь по фазе. —и он переглянулся со старшим. Оба издевательски засмеялись.

Я положил руку. «Черпак» с размаху опустил топор на плаху прямо рядом с моей рукой. Я ее сразу же отдернул. Ощущение было ужасным: так бывает иногда ,когда на улице еле-еле уворачиваешься от машины, которая будто нарочно тебя давит. Ужас страшной боли дохнул на меня.

—Перестаньте издеваться!— крикнул я —а то я позову нашего старшину. Старшина батареи был дежурным по столовой в этом наряде.

—Что, сука?! Мы не поняли?— сказали остолбеневшие повара.

— Так ты «стукач»?—спросил младший.

—Я не стукач, но вы издеваетесь надо мной,— попытался я оправдаться.

Младший вдруг бросился на меня как коршун. Страшный удар в лицо обрушился на меня. Но я удержался на ногах.

—Стоп! Кончай, Серега!— приказал первый— Не трогай его! Иди умойся,— обратился он ко мне.

Я с трудом дотащился до ближайшей ванной и умылся из —под крана.

—Пошли со мной .Раз ты такой умный, значит будешь работать! —приказал первый и мы пошли куда —то. .Второй повар остался в рыбном цехе. Мы прошли через всю столовую в основной зал. Я понимал, что ждать спасения от моих неожиданных мучителей мне негде. Старший рабочий— сержант, по сути такой же старослужащий солдат, навряд ли встанет на мою сторону, т.к. здесь действуют, чуял я, другие, отличные от устава отношения .Жаловаться прапорщику—дежурному по столовой— я и не собирался. Я так сказал поварам, чтобы их напугать.

Выиграть в драке с дедами было для меня практически невозможно: старший повар был широк в плечах, имел грубые манеры, свирепое, наглое лицо и был на пол-голова выше меня. Мне, худосочному 19-летнему салаге, только призванному в армию, связываться с ним или с его другом было практически бесполезно. Так малодушие и трусость заставили меня впервые в армии унизиться перед более сильными.

Толян - старший повар - нашел в зале старшего рабочего-сержанта Ахмедова, который сидел за столом и читал журнал, и что-то сказал ему. То что-то ответил ему, кивнул головой и улыбнулся, потом он подозвал меня жестом.

-Котельников, ты в армии без году неделя, а уже говоришь об издевательствах. Над тобой здесь никто не издевается, тебя здесь «воспитывают». Ты понял?

-Понял, товарищ сержант,- ответил я.

«Вот сука»-подумал я. Я «понял» все. Я понял, что спасти себя я смогу только сам. Больше мне никто не поможет.

Мы с Толяном пришли в маленькую комнату с таким же кафельным полом и большими холодильниками-рефрижераторами вдоль стен. Толян наглухо закрыл за собой дверь на замок. Затем открыл один из холодильников и достал оттуда большую коробку масла весом килограммов 10-15.

-Ты когда-нибудь в баскетбол или в волейбол играл?- спросил он.

-Да- ответил я.

-Хорошо! Видишь это масло? Оно совсем замерзло в холодильнике. Оно как камень-сказал «дед».-Нужно сделать его мягким, чтобы завтра за завтраком вся часть его ела. Я буду бросать коробку тебе, ты мне, понял?

-Да, -ответил я.

-Становись сюда, -указал он мне место у стены.

Взяв коробку, он отошел к противоположной стороне и крикнув «Лови!»,бросил ее в меня.

Огромная коробка брошенная со страшной силой, полетела в меня. Я сразу понял, что мне ее не поймать и инстинктивно отклонился в сторону. Коробка упала на пол.

-Ты что, сука? !-заорал Толян- Играть не хочешь? Бросай!

Я с трудом поднял коробку и бросил ему в руки. Он с легкостью поймал ее и снова швырнул в меня. Удар был страшен. Но я удержался на ногах. Через 10-15 минут такой физподготовки меня уже шатало как пьяного. Кроме того, время было уже часов 11 вечера. Сказывалась уже усталость. Я не знал, когда наконец, прекратиться эта пытка. Вдруг раздался стук в дверь. «Дед» быстро поднял коробку с пола, положил ее на стол и открыл дверь. Вошел наш старшина батареи- дежурный по столовой.

-Так, чем занимаемся здесь? -спросил он.

-Делаем масло!- бодро ответил повар, ловко вскрыв коробку ножом. -Этот боец из вашей батареи, товарищ прапорщик?

-Из моей, а что?

-Хороший боец, настоящий курсант -сказал дед- Помогал мне очень хорошо. Можно его оставить здесь на всю ночь?

Я замер от ужаса. но старался не выдать своего волнения.

-А что, есть необходимость? -спросил старшина- Котельников, как останешься здесь на ночь? А завтра утром будешь спать до обеда в казарме.

-Нет, товарищ прапорщик,- ответил я.- Лучше я уйду вместе со всеми.

-Не хочет он -констатировал прапорщик-. Да, Ладно! оставим тебе другого бойца. Тут уже один изъявил желание. Давайте быстрее! Нужно еще в варочном цехе полы вымыть. Через 2 часа мы должны уже уйти в казарму спать -сказал старшина и вышел.

-Ну, сука, повезло тебе!- сказал Толян - Ладно, завтра, мы устроим тебе продолжение «спектакля».- Он стал руками быстро разминать масло. Оно действительно стало как будто мягче от «баскетбола».

-Принеси мне миску с горячей водой, -велел дед. И достал из холодильника какое-то странное приспособление, которым как я узнал впоследствии, в армии делают шайбы масла в казенные 30 грамм. Повар стал быстро работать этим приспособлением и укладывать на металлические подносы штабеля желтых кружочков масла. Закончив с одним подносом, он писал на клочке бумаги: 1 батарея.2 батарея и т.д.и убирал поднос в холодильник. Иногда он размачивал свое приспособление в горячей воде, которую я периодически выходил менять.

-Ладно иди занимайся своими делами, -сказал мне повар, когда мы закончили.- Но завтра мы с тобой еще увидимся!

Я вошел в цех, мои товарищи по цеху, увидев меня. стали спрашивать, где я был. Я как мог, объяснил . Я умолчал только о том, что меня били и заставляли есть глазки. Сергей домывал бачки от пищи .Я и Иван должны были вымыть еще полы в варочном цехе. Когда я погрузив тряпку в воду и, выжав ее, нагнулся, чтобы начать мыть пол, в глазах у меня потемнело и я потерял сознание. Было такое ощущение словно я быстро уснул. Очнулся я лежащим на полу.

-Эй, ты чего?- услышал я крик. Рядом стоял Иван.

-Ты сознание потерял?- спросил он.

-Да, -ответил я, несмотря на страшную слабость.

-Работать можешь?- спросил Иван.

-Да, -ответил я.

-Вставай !Если старшина или Ахмедов тебя увидят- шиздец нам тут всем.

Я быстро встал. Силы вернулись. Но страшно болели ноги внизу у лодыжек из-за того, что подменные штаны были мне несколько малы и давили под сапогами.

-Давай заканчивай быстрее! -произнес Иван- Через полчаса построение батареи в главном зале. Знаешь, сколько времени? Пол-второго ночи! Сейчас спать пойдем! -уже радостно завопил Иван.

С трудом преодолевая усталость и боль в ногах ,я как лунатик, буквально ползая по полу на коленях мыл его. Стоять на корточках я был уже не в силах. Я не помню как я домыл пол ,и добравшись до койки в казарме канул в небытие. Я не думал о том, что ждет меня завтра. Главное, это было только одно: спать, спать, спать. Казалось, мы только сомкнули очи, как вдруг услышали крик дневального.:

-Наряд по столовой, подъем!

Было 6 часов утра.

Глава 6.

Вскоре наступил Новый 1989 год. Офицерские жены испекли целых 3 торта. Это было здорово, но это капля в море для более чем 60 солдат. Отмечали мы Новый год очень просто. Сидели в казарме и пили чай с печеньем и конфетами и маленьким кусочком торта. Те, кто в ту ночь был в наряде отметили его 1 января. Простое было угощение, почти незнакомые люди сидели вокруг, т.к. .с момента моего призыва прошло около 3 недель и мы только начали знакомиться друг с другом. Но на несколько часов армия отступила и мы казалось снова были дома. Сейчас мне на память приходят слова новогодней песни, много раз слышимой мной в армии.

Мне однажды летом приснился новый год!

По зеленым травам Снегурочка идет!

А за ней с букетом из ромашек появился дедушка мороз!
И такой он ей ларец волшебный преподнес!
Новогодние игрушки, свечи и хлопушки в нем!
Там веселые игрушки мой перевернули дом!
Завели веселый хоровод
До чего смешной лесной народ
И не верилось, что все пройдет сказочным сном!

Эта песня о волшебной сказке, о чудесах, о радостях земных и волшебных, о доме. неза-
тейливая и простая эта песня здорово врезалась мне в память.

...Батарея наша представляла собой сложный коллектив. Она была разбита на 3 взвода,
каждый из которых составлял около 20 человек и возглавлялся 1 офицером и 3 сержантами.

Командиром моего 1 взвода был капитан Назонов- простое и зловредное существо, абсо-
лютно ничего из себя не представляющее. Именно с него и начало формироваться мое отно-
шение к старшим командирам. Именно с него я вдруг однажды понял, почему так солдаты
ненавидят офицеров и почему даже на гражданке их считают не очень далекими людьми.

Сержанты все были ненамного старше нас по возрасту или даже ровесниками. Замком-
взвода был старший сержант Федоров Валерий. Это был самый «старый» сержант во взводе -
к моменту моего призыва он прослужил уже 1,5 года. Именно он вместе с другими младшими
командирами и преподавал нам, салагам, азы солдатской военной службы. Именно он снял с
нас невероятное напряжение от непривычной обстановки и шок от новых нравов и правил, по
которым мы теперь должны были жить до самого «дембеля».

Помимо него был еще старший сержант Фролов Евгений. К моменту моего призыва он
прослужил уже 1 год, хотя мы были ровесниками. Пользуясь своим правом сильного и старшего
по званию, он постоянно издевался надо мной, подтрунивая и подшучивая над каждой моей
слабостью.

-В какой ты стране живешь, Котельников?- спрашивал как-то он меня на занятиях по
радио подготовке.

-В Советском Союзе, -отвечал я.

-В каком городе?

-В Куйбышеве.

-А сейчас мы где?

-В Каменке.

-На каком материке мы живем?

-В Евразии.

-На какой планете?

-На Земле.

--Молодец, Котельников!- хлопал он меня по плечу.

После этого он дико ржал.

Он всегда себя вел по отношению ко мне в странной и идиотской манере. Мы были абсо-
лютно разными людьми.

(Спустя 20 лет после призыва я нашел Фролова по указке одного моего бывшего сослу-
живца. Он все также и живет в Краснодаре и был страшно рад моему письму, несмотря
на не очень хорошие воспоминания. Общаться через Интернет Фролов категорически отка-
зался, ссылаясь на то, что он далек от него, как космос. Удивительно, но факт-то что многие
далеки от Интернета до сих пор, несмотря на то, что на дворе уже 21 век).

Помимо Фролова и Федорова были еще двое сержантов, которые всего на полгода были
старше нас по призыву.

Целыми днями мы изучали военно-прикладную науку, занимались радиоподготовкой, чистили оружие, учили устав, ходили в наряды. Свободной минуты особенно в первые месяцы службы не было ни одной. Не было времени даже сходить в чайную попить чаю с коржиками. Как только у нас появлялось несколько свободных минут, как правило вечером, сержанты всегда задавали один и тот же вопрос всем:

-А ты подготовился к завтрашнему дню?

Подготовка к завтрашнему дню означала: надо было подшить чистый воротничок к пэша, если надо- погладить форму, почистить сапоги, почистить бляху для поясного ремня, заправить в шапку 2 иголки белой и черной нитками и побриться. Если хоть что –то из вышеперечисленного солдат забывал или не успевал сделать, это обнаруживалось на утреннем осмотре при построении перед завтраком утром. За это его могли по-разному наказывать. Это решал сержант. 3 наряда вне очереди -было еще мягкое наказание.

Самым страшным наказанием было лишение увольнительных. Это было хуже чем даже наряд на свинарник, на который ходили только мы =курсанты. Сержанты и некоторые прикомандированные к нашей батарее рядовые более старшего призыва и для них некоторые (вполне нормальные для курсантов) вещи были совершенно недопустимы. То есть во всем здесь крылось свое западло- то, что ни при каких обстоятельствах делать нельзя. Это были первые неуставные взаимоотношения, с которыми я столкнулся воочию.

Единственное, что всегда разрешалось всем без исключения солдатам: это возможность написать письмо домой. Даже после отбоя иногда в виде исключения можно было зайти в ленинскую комнату и написать письмо домой. Хотя писать письма разрешалось в основном после ужина до отбоя, но иногда сержанты делали исключение. Это было святое для любого солдата или командира. Видимо, все-таки даже в армии люди понимают, что служба службой, а дом, родители, жены, невесты, родственники -это важнее. Нельзя человека лишать радости общения с родными. Даже если он «дух».

К сержантам и офицерам мы всегда обращались только на Вы и по званию, даже если это были наши ровесники. Поначалу это было как-то дико, но потом мы привыкли. К нам сержанты и офицеры обращались только по фамилии и на «ты» и называли нас не «солдаты», а «курсанты», потому что призваны мы были в учебную часть, где служить должны были только полгода, потом нас должны были распределить по другим частям.

Не учебные части, где дальше мы должны были нести службу здесь почему-то назывались «линейными».

Взаимоотношения между нами- только что призванными молодыми ребятами лет по 18-20, были самые разные. Весь коллектив нашего взвода через примерно 2-3 недели после начала службы разделился на группы и отдельных людей. В группы в первую очередь собрались те, кого мы называем «восточными братьями»: узбеки, таджики, армяне, грузины. В общем все южные братья. У русских это было в меньшей степени. Я по своей природе не хотел включаться ни в какую группу. Я был сам по себе, кстати не только в учебке, но и в других частях.

Глава 7.

Зло. Неизмеримо зло творимое людьми в мире. Наверное зло невозможно вообще искоренить. Оно заложено изначально в каждом человеке. Зло по-разному появляется в жизни. Одного слова вполне достаточно, чтобы смертельно обидеть человека. В добре есть также частицы зла. Недаром люди говорят: «Нет худа без добра» или «Добра без худа».

Зло выражается в жестокости, пьянстве, в преступлении, в насилии. В чем угодно. Борьба добра со злом вечна. Ибо если нет этой борьбы, нет и самой жизни. В армии зло также может быть разным. особенно в нашей, раньше Советской, ныне Российской армии. Зло может быть в глупом приказе командира (например убирать снег весной, который все равно скоро растает)

или в плохом питании(например, на стол подают кашу, которая проварена только наполовину). Зло может быть с виду завуалировано, может казаться просто нелепостью, недоразумением. Зло может быть и вовсе непредсказуемо, тайно. Такова сущность зла. Глупость и невежество тоже страшное зло. Но особенно страшно то зло, которое возведено в ранг закона или устава.

Итак ,зло в Советской армии. С ним я впервые столкнулся еще задолго до того, как попал в часть. До армии я 3 года учился в ГПТУ после окончания 8 класса. Там я сполна хлебнул того ,что называют в армии «дедовщиной». Дикие, жестокие, подлые законы царили там. Мне, выходцу из интеллигентной семьи постоянно доставалось там от самого обыкновенного «быдла»-отморозков и шпаны из рабочих окраин Куйбышева. Там принцип отношений был такой же как и в армии- прав тот, кто сильнее физически. Без этого нормально учиться в ГПТУ было совершенно невозможно. Учащиеся 3 и 2 курсов постоянно терроризировали 1 –курсников., отнимали деньги и избивали. Это было просто нормой жизни, других отношений здесь не было и не могло быть. Постоянно, все 3 года, происходили драки и разборки внутри групп. Конфликты с однокурсниками были даже на 3-м –последнем- курсе. ,вплоть до самой преддипломной практики на заводе.

Даже теперь, спустя много лет после окончания ГПТУ, я с содроганием и отвращением вспоминаю то время. Однако это была хорошая школа жизни для меня перед армией. Там я научился работать руками, элементарно закручивать гайки и забивать гвозди. Просто зарабатывать себе на жизнь. Это была суровая школа жизни ,и она мне очень пригодилась в дальнейшем.

И все же гражданка и есть гражданка и законы там другие, не такие как в армии. На гражданке можно пройти мимо хулиганов на улице, не ввязываясь в драку, можно промолчать в ответ на оскорбление и главное, на гражданке каждый живет своей жизнью, в своей квартире, в своей семье. В армии же существует принцип общежития для солдат и сержантов срочной службы. Это главное отличие жизни солдат от всех других категорий военнослужащих: офицеров, прапорщиков и контрактников (в советское время их называли сверчки -от слова сверхсрочная служба),которые все живут либо в своих квартирах, либо хотя бы в общежитиях.

Казарма и есть главная пытка в армии, мучение невыносимое, гораздо хуже, чем драки или издевательства старослужащих. Молодой солдат находясь в глубоком трансе личных переживаний не может побыть наедине с самим собой, не может ни на минуту скрыться от чужих глаз., лишен прикрытия самых интимных сторон своей жизни.

Казарма-это кошмар не выдуманный, а вполне реальный. Жить в казарме и быть полностью нормальным- практически невозможно. Даже за два года службы привыкнуть к казарме-невозможно.. Именно поэтому у многих ребят после армии «едет крыша» иногда в переносном, а иногда и в прямом смысле этого слова. Напрасно в многих фильмах показывают как старослужащие вразвалку ходят по казарме, как по родному дому. Привыкнуть в жизни можно, конечно, ко многому. Даже в тюрьме заключенные привыкают жить в бараке или камере за долгие годы отсидки. Но это ненормально: привыкнуть к такому. У большинства нормальных людей призывная армия и казарма вызывают вполне естественное чувство ненависти и отвращения. Ибо любить эти вещи противоестественно. Казарма-это символ абсолютного рабства для людей, которые в общем-то ни в чем не виноваты.

Фридрих Ницше сказал когда-то: «Ненависть-это всегда устойчивое чувство в отличие от любви и дружбы ,которые хрупки и ненадежны.»

После моего первого наряда в столовой я стал понимать, что такое ненависть. Я стал учиться ненавидеть. Ибо если ты сильно ненавидишь кого-то или что-то, это придает тебе силы. Я понял, что в столовой меня били не Толян и Серега, а меня била сложившая система взаимоотношений между людьми в армии.. Система, сломить которую в одиночку для меня было совершенно невозможно. На моем месте мог оказаться любой «дух». Любой. Любого, кто служит в армии менее года, могли здесь унижить, оскорбить, втоптать в грязь, надругаться над

человеком просто так, ни за что. Никакой вины нет у молодого солдата. Вина его лишь в том, что он «молодой».

Надо себе представить, как эта система озлобляет людей, как звереют они от скотского обращения дедов, и как потом отыгрываются на более молодых призывах. Здесь царил культ злого и безжалостного зверя. Первобытная жестокость, скрытая в военные уставы, присяги и форму, царила здесь. Жестокому экзамену здесь подвергался каждый. Считалось само собой разумеющимся дать в морду, унижить, оскорбить не только того, кто слабее, моложе по призыву или возрасту, а просто тому, кто не такой как все. Такова бесчеловечная сущность любой армии, а нашей особенно.

...Надо ли писать о том, с какими чувствами я вернулся утром в столовую заканчивать наряд в тот злополучный день? Снова повторилась сцена с глазками, снова мне хотели отрубить руку на плахе, И снова били, правда не по лицу, а по телу. Правда в «баскетбол» мы больше не играли. К концу наряда -в 5 часов вечера- я был так измотан, что еле держался на ногах. Мои товарищи по наряду заметили мое состояние, но как они ни задавали мне вопросы, я упорно молчал или делал вид, что не понимаю, о чем они.

Вскоре мы сдали наряд другой батарее. И пошли наконец в казарму. Я даже не верил, что этот кошмар прекратился. Однако служба моя еще только начиналась. Все еще было впереди.

Глава 8.

Как-то уже позднее придя в казарму после наряда по столовой, я снова еле двигал ногами от усталости. Замкомвзвода Фролов заметил мою странную походку.:

-Что случилось, Котельников?- спросил он.- почему ты так ходишь?

-Товарищ старший сержант, у меня болят ноги и еще я простудился. Разрешите мне спать лечь до отбоя?

- Да ты что, Котельников? А ты подготовился к завтрашнему дню?- задал он свой неизменный вопрос..

-Да.

-Покажи! -приказал он.

Я показал ему подшиву, бляху, сапоги. Но я забыл главное- побриться!

-Извините, я забыл побриться.

-Ну вот видишь! Иди, брейся Пока ты бреешься, как раз будет отбой- через полчаса. - довольный, что он уличил меня, произнес Фролов. И гордо удалился по своим делам.

Я поплелся в туалет с мыльницей и станком для бритья. Каково же было мое удивление в туалете, когда лезвия в станке не оказалось: кто-то вынул его в мое отсутствие. Рядом брились, чистились, мылись мои товарищи по батарее и по взводу. Среди них был мой новый приятель Витек Чижов из бурятской АССР.С ним мы всегда находили общий язык. Это был начитанный и очень развитый парень. У нас даже кровати находились рядом и после отбоя мы могли тихонько болтать о чем угодно под одеялами. Нам всегда было интересно друг с другом

. К счастью Витек тоже был в умывальнике. И я обратился к нему:

-Витек, дай мне новое лезвие к станку. У меня его кто-то позаимствовал.

-Что ты, Антоныч (так он своеобразно называл меня)! У меня самого только одно . Все остальные лезвия у меня уже растащили! погоди ,сейчас я добреюсь и дам тебе станок.

Наконец-то я начал понимать армейскую службу без прикрас: здесь воровали все и у всех. Даже офицеры случайно забыв в канцелярии свои вещи не могли рассчитывать на их сохранность. Что уж здесь говорить о солдатах!

-Представляешь, Витек, меня повара в столовой заставляли есть глазки от сырой рыбы. Я отказался, так они избили меня.- сгоряча и не подумав в полный голос сказал я.

Витек округлил свои и без того круглые глаза.

-Да ты что?! -неподдельно удивился он.

Внезапно я увидел, что нас подслушивает курсант Тимохин из нашего взвода с ехидной миной на лице. Я замолчал и сделал знак молчать Витьку. Но было уже поздно. Тимохин слышал главное :что я ел глазки от рыбы. В армии трудно скрыть тайну, если она известна двоим.Теперь о моем позоре будет знать весь наш взвод или даже батарея. Тимохин добрился и быстро вышел из туалета.

-Слушай, Витек! Чего ты мне не сказал, что нас подслушивают?- спросил я.

-Я сам не видел!- ответил Витек.- Да ладно, он никому не расскажет- попробовал он успокоить меня. Однако все было иначе. Вскоре все действительно узнали о нашем разговоре с Витьком. Ко мне время от времени подходили курсанты нашей батареи и спрашивали:

-А правда, что в столовой повара тебя заставляли есть глазки от рыбы?

Я молчал, не зная, что отвечать. Один раз, когда ко мне подошел с этим же вопросом один наш курсант –некий Рамазан Сулейманов из Средней Азии- я не выдержал:

-Слушай, кто тебе это сказал?!

-Все говорят -не моргнув глазом, ответил Рамазан.

-Мало ли что говорят. Плюнь в лицо тому кто тебе это сказал, -в сердцах выпалил я. Здесь, как и в тюрьме, действовал тот же принцип: «Не бойся, не верь, не проси». Сюда я бы еще добавил: Не болтай! Лишняя болтовня еще никому и никогда не делала чести. В армии тем более. К счастью эту глупую историю с глазками удалось вскоре забыть, т.к. слишком напряженная жизнь была у меня и всех остальных. Мы очень сильно уставали и долго помнить что-то просто не хватало сил.

Помимо Витька Чижова я подружился еще и с Иваном Маковецким из Алма-Аты. Это был веселый и жизнерадостный парень, всегда отзывчивый к людям. Однако характер у него был слишком мягкий. поэтому его дальнейшая служба в учебке была не очень простой. Дело в том, что в нашем взводе было трое казахов из Алма-аты. Во главе этой группы стоял Нигманов Мурат. Эти трое казахов уже через 2-3 месяца после начала службы начали жестоко преследовать всякого ,кто был слабее их. Даже я один раз жестоко подрался с ними. После этого они раз и навсегда оставили меня в покое, поняв, что меня гноить не удастся. Однако не все могли дать достойный отпор. Одним из них и был Иван. Он до конца пережил здесь то, что называется глумлением. Однако я не буду забегать вперед и расскажу все по порядку благодарному читателю.

Был у нас еще некий Паша Пустовой, -детина 1 метр 90 сантиметров с детским простодушным лицом. Это был единственный парень во взводе, кто был выше меня по росту. Поэтому в строю я всегда стоял строго вслед за ним. С Пашей у нас были ровные дружеские отношения. Как сложилась его дальнейшая служба после учебки мне неизвестно.

Помимо вышеперечисленных я запомнил еще и Сергея Шнитова. Это был выпускник какого-то техникума, на редкость воспитанный и интеллигентный человек. К моменту призыва в армию ему было уже 20 лет.

Сергей был безусловно тем, кто отслужив первый год, становятся авторитетными командирами на втором году службы. Еще мне запомнился Хафизов Дамир. Это был веселый парень, большой любитель анекдотов и всевозможных рассказов о том, о сем. Его тоска по девушкам была выражена тем, что он постоянно рассказывал нам анекдоты про женщин и интимную жизнь. Это был прямо половой гигант! Если верить его рассказам ,то до армии у него было не менее 10 девушек и все были красавицы прямо сил нет. Как выяснилось впоследствии, Хафизов остался в этой учебке сержантом на все 2 года.

Однако недругов у меня в армии было гораздо больше. Особенно среди представителей южных республик. Первый мой недруг был таджик Назим Шодмонов, который в силу обстоятельств первые 2 месяца спал на кровати рядом со мной. Именно из общения с ним я понял, что в армии никому доверять абсолютно нельзя. Любое твое слово или действие здесь подвер-

гается самому жестокому испытанию- на прочность. Здесь надо было всегда и во всем доказывать окружающим свою правоту либо словами либо кулаками. Причем кулаками гораздо чаще. Шодмонов один раз попросил меня убрать за него туалет. Я отказался в резкой форме. Ему как представителю южных республик смириться с этим было никак нельзя. Поэтому он резким ударом ладони ударил меня в нос. Я бросился на него с кулаками, но нас быстро разняли. Сержант Федоров увидев мой разбитый нос, завел нас обоих в канцелярию- там никого не было и ,заорал на Шодмонова:

-Хватит мне ваших драк! Я за 2 года здесь столько насмотрелся! Я устал от этого!

Шодмонов расценил слова сержанта по-другому:

-Ну бейте, бейте, товарищ старший сержант!- в сердцах и с ужасным акцентом сказал он.

-Кого бейте?- не понял Федоров- Тебя что ли? Ты что, Шодмонов? Совсем что ли? Вы попали в уставную часть, ребята! Здесь не бьют! Здесь наказывают по уставу! А это гораздо хуже! Мы(сержанты)наказываем вас (курсантов),а нас наказывают офицеры! Поняли вы это или нет?!

Тогда мы еще не знали, что уставная часть гораздо хуже, чем неуставная, как это не парадоксально. Это была первая фраза об этом сказанная нам сержантом.

-Иди умойся, Котельников!- продолжил Федоров. -и больше, чтобы драк не было! Иначе накажу обоих! Я не шучу!

Мы вышли из канцелярии.

Вторая стычка произошла с Рамазаном Сулеймановым. Однажды вечером Рамазан вдруг говорит мне:

-Иди к сержанту Фролову получать мыло!

В этой части мыло нам действительно выдавали сержанты, в отличие от других частей, где мыло и все остальные хозяйственные вещи нам выдавали только старшины рот в звании прапорщика. Поэтому я ему сразу поверил. Я подошел к сержанту Фролову, который в это время сидел с другими сержантами-дедами в ленинской комнате. Когда я увидел выражение его лица в ответ на мою просьбу выдать мыло, я все понял без слов. И так же молча без объяснений вернулся в расположение взвода. Я не хотел связываться с Сулеймановым, но тот сам начал дико ржать и насмехаться надо мной. Мне пришлось просто дать ему в морду. И снова нас разняли другие курсанты. Эта драка не окончилась как все остальные- тихо и мирно. Ночью курсанты из других взводов решили напасть на меня и избить в отместку за Сулейманова, но Фролов не спал и заступился за меня. Так мне утром рассказали Витек Чижов и другие курсанты.

Третья схватка с проклятыми чурбанами произошла снова в наряде по столовой.

По разнарядке я попал в овощной цех. В мою задачу входило: уборка овощного цеха и мытье полов в коридоре. Вдруг вечером после ужина откуда ни возьмись передо мной возникло 3 узбека, которые работали в варочном цехе. Один из них некий Нигматуллин говорит мне:

-Иди убери полы в варочном! Мы не успеваем!

По их наглым и подлым рожам я понял, что дело не в том, что они не успевают .И даже если не успевают -это не мое дело- работать за них. В армии нельзя никого жалеть! Пожалев однажды кого бы то ни было, ты всегда будешь в дальнейшем отдуваться за него. В армии нельзя быть добрым! Доброта здесь расценивается как слабость.

Поэтому я смело послал их всех троих подальше. Как только мы вышли в коридор разбираться, открылась дверь запасного входа и в столовую вошел дежурный по части капитан.

-Почему здесь драка? Где дежурный по столовой? Где старший рабочий?

Поднялся шум и гам. Дежурного по части здесь боялись все. Быстро позвали старшего рабочего-сержанта и дежурного по столовой прапорщика.

-Товарищ капитан, я ничего не видел! не знал! -оправдывался сержант. Прапорщик стоял молча.

-Товарищ сержант, вы будете наказаны лично мной. Вы, товарищ прапорщик, тоже хороши! Я доложу о драке командиру 8 батареи майору Майорову.- продолжал офицер.

-Так ,эти двое за мной, -указал капитан на нас с узбеком, -остальные по местам! Через полчасика я вернусь назад и проверю вашу работу.- сказал офицер.

Дежурный по части повел нас прямо на гауптвахту., которая находилась неподалеку. Беда была в том, что караульными там стояли наши курсанты и сержанты. У нас обоих отобрали поясные ремни и посадили в камеру. Температура там была чуть более 5 градусов тепла .и очень скоро мы с узбеком стали мерзнуть не на шутку. В камере узбек однако не продолжил выяснения отношений, видимо уяснив, что ситуация против него. Со мной он почти не разговаривал. Мы лежали на откидывающихся досках, которые в камере служили кроватями. Я думал о том, что начнется завтра, когда нас выпустят из гауптвахты. Попасть на «губу» в этой части считалось большим западло. Особенно если учесть, что старшим смены караула был сержант Фролов Евгений. Узбек что-то лепетал на своем языке и даже выцарапывал иглой из шапки что-то на стене. Только тут я заметил, что стены в камере все сплошь испещрены надписями. Я стал читать их все подряд: «здесь был...» Далее следовали самые разнообразные имена. «ДМБ-85 весна», «хочу домой», «прощай, мама!», «сидел ни за что», «ДМБ-87» и т.д. Большого разнообразия среди надписей не было. Я в изнеможении закрыл глаза и увидел странный и дивный сон.

...Я лежу на горячем песке на берегу Волги, стоит жаркий июль. Нежусь под лучами солнца и незаметно для себя засыпаю...

Глава 9.

Вскоре после этого я тяжело заболел и попал в санчасть. Узбеки, из-за которых и произошел этот инцидент, были по личному распоряжению командира нашего дивизиона майора Васюкова направлены на уборку снега вдоль всего огромного плаца в части. В течение почти 2 недель каждый день с утра до вечера с перерывом только на завтрак, обед и ужин они убирали снег втроем. Видя меня издали идущим в санчасть, они кричали угрозы и оскорбления. Мне же было не до них. Попав в лазарет, температура у меня была под 40 градусов., меня знобило постоянно .Распорядок дня в санчасти был несколько иным, чем в казарме. Здесь не было занятий и зарядки, не было нарядов и тяжелых работ. Даже построения здесь были только вечером на вечернюю поверку и не в форме, а в нижнем белье. Однако вскоре я понял, что лучше быстрее вернуться к своим. Утром в лазарет приходил офицер-медик для осмотра больных. Его присутствие длилось часа 2-3-до обеда. Все остальное время в лазарете хозяйничали обыкновенные солдаты-фельдшеры более старшего по сравнению с нами призыва. Однажды ночью, когда состояние мое несколько улучшилось, я не спал и лежал тихо подремывая. Вдруг я услышал разговор двух фельдшеров.

-Давай дедовщину устроим?- обратился фельдшер-сержант к рядовому. -Застроим их в коридоре и погоняем.

-Жалко. Больные они, слабые- возражал рядовой- фельдшер более мягкий по натуре.

«-Жалко»! Жалко у пчелки!- передразнил сержант.-- Ну давай хоть одного кого-нибудь погоняем? Вон того толстого? -и не дожидаясь ответа товарища сержант подошел к одному из больных и разбудил его.

-Здорово ,толстый! -начал свой кураж дед. Курсант действительно был толстым, рыхлым парнем с тупым деревенским лицом.

-Здравия желаю, товарищ сержант!- бойко ответил он, протирая глаза.

-Молодец!- похвалил сержант-дед. -Чем болен?

-Сильно простудился. Температура вчера была 38 градусов.

-Давно лежишь здесь?

-Две недели.

-Давно! Поди тащишься здесь? Здесь не гоняют как в батарее? Гляди, какую морду наел! Так! Короче для твоего быстрого выздоровления сейчас будем отрабатывать с тобой команды «Отбой!» и «подъем!» Если не успеешь быстро выполнить их, получишь по «фазе» .Понял? -угрожающе заключил сержант.

-Так точно! -быстро ответил уже насмерть запуганный дух-курсант.

-Готов?- спросил дед- Засаекаю время. Подъем 45 секунд!

Курсант лег на кровать и закрылся одеялом с головой.

-Подъем!- крикнул дед.

Толстый вскочил и стал быстро одеваться по полной форме: штаны, портянки, сапоги, куртку, ремень, шапку. И успел как раз вовремя.

-Молодец! Отбой!- быстро скомандовал сержант не сводя глаз с часов. Курсант начал быстро раздеваться, но в это время другой фельдшер сделал ему подножку. Толстый упал .Фельдшеры заржали как лошади.

-Быстрее толстый! –крикнул сержант- дед- Не успеешь! Толстый сделал несколько неверных движений и не успел.

-Все!- крикнул сержант. -Опоздал! Подъем!

Курсант вскочил.

-Ко мне! отставить!- крикнул сержант, когда курсант метнулся к одежде. -Руки по швам! Фанеру к бою!

«Фанерой» в армии называют грудь молодого солдата. Сколько раз потом уже позже в других частях я слышал эту фразу! Сержант обмотал руку полотенцем и ударил курсанта в грудь. Тот сморщился, но стерпел.

-Фанеру к бою!- снова повторил дед. И снова ударил.

-Ладно, хватит с него !-сказал добрый фельдшер. -Отбой! Курсант прыгнул в койку.

Деды вышли из помещения весело переговариваясь между собой.

«Смываться отсюда пора»-подумал засыпая я .Рано или поздно дедовщина в санчасти могла коснуться и меня. Поэтому я на исходе второй недели пребывания в санчасти сам попросился у старлея- медика о том чтобы меня выписали. Тот очень удивился моей просьбе, т.к. многие солдаты наоборот просили их не выписывать подольше. Но просьбу он мою уважил. И вскоре я вернулся в родную 8 батарею.

В середине февраля 1989 года на всю страну грянула новость: из Афганистана выводят наши войска. Закончилась долгая и кровопролитная война, которая длилась почти 10 лет. Бессмысленность этой войны была очевидна сначала. Пресловутый долг интернационализма навязанный советской пропагандой был никому не нужен уже тогда, однако тысячи и тысячи погибших наших солдат и офицеров все-таки до конца выполнили свой долг перед родиной. Их жизни никто и никогда уже не вернет. Вечная слава павшим! Вечная слава живым героям!

В казарме мы затаив дыхание смотрели по телевизору уникальные кадры вывода советских войск из Афганистана. Молодые ребята - наши ровесники, «духи» и «деды», некоторые на костылях, некоторые безногие или безрукие, некоторые целые и невредимые возвращались из далекой азиатской страны на родину. Некоторые сразу домой, некоторые дослуживать в другие части. Срок службы у всех солдат одинаков:2 года. Прапорщики и офицеры тоже возвращались, кто служить дальше, кто увольнялись из армии. Все по-разному.

Но все равно не измерима ничем та боль, которую испытали матери и отцы, жены и невесты, братья и сестры не дождавшись своих родных с той далекой теперь уже войны. Еще никто не знал Чечни, никто не знал того, что начнется в нашей стране после 1992 года. Пока мы служили еще Советскому государству. Афганистан стал предвестником будущих жестоких войн. Афганистан стал проклятием для многих. Афганистан стал легендой для избранных. Мы все тоже очень по-разному относились к этой войне. Я вообще не знал, что об этом думать. Без-

условно наши погибшие и выжившие ребята выполнили свой долг до конца. Однако ясно было и другое: все мы- солдаты и офицеры- являемся марионетками в руках нашего государства. В любой момент нас могли послать куда угодно и делать что угодно ради интересов нашего правительства. Мы были просто пушечным мясом для наших высших руководителей. (И пока мы в армии, мы были ничем абсолютно не защищены от произвола нашего руководства. Забегая вперед, скажу что первый раз это подтвердилось уже в 1991 году(через год после моего увольнения),когда армия была брошена на подавление демократии в стране. Это был путч ГКЧП, одним из руководителей которого был генерал армии Язов, бывший в ту пору министром обороны.)

После моего возвращения из санчасти жизнь в батарее показалась мне уже отлаженным четким механизмом, в котором были свои преимущества. Например, здесь напрочь отсутствовала дедовщина. Однако ближе к весне был случай, когда один из сержантов другого взвода ударил по лицу узбека-курсанта и тот прямой дорогой побежал в штаб. Тот сержант был буквально за несколько часов разжалован в рядовые. Однако он не потерял среди сослуживцев своего авторитета. А узбек на всю оставшуюся службу получил прозвище «стукач».

Стукач- тот, кто стучит, жалуется командирам на своих товарищей. Хуже клички нет в армии. Все стукачи, даже деды, автоматически получают в армии наименование «чмо».

Чмо- это человек морально опущенный.Это самая низкая категория солдат ранее в Советской, а теперь в Российской Армии. Они- всегда грязные, не бритые, не глаженные .Руки их покрыты грязью от бесконечного мытья полов и другой грязной работы. Они всегда одиноки и несчастны. Они всегда почти становятся дезертирами. Чмыри имеют свое прозвище и ведут жалкий образ жизни все 2 года до самого дембеля. У них нет ни физических ни моральных сил противостоять казарменному беспределу. Их жалко, но им мало кто сочувствует. Их не выносят даже командиры. Чмырей как правило немного в частях.

Следующая по восходящей категория солдат-это «средняк». Средняки- это парни честно отлетавшие 1 год службы и более-менее хорошо живущие на 2 году. Но это не лидеры .Из них почти никогда не получают младшие командиры или контрактники. Даже судя по названию видно, что это люди так себе- ни рыба, ни мясо. На втором году службы они никогда почти не издеваются над молодыми. За это их называют добрыми «дедами». Это большинство солдат в нашей армии.

Третья категория-это «разгильдяи». Отлетав первый год, резко меняются на втором году. Нередко становятся сержантами или старшинами. Но характер имеют не очень крутой. Бьют молодых или заставляют что-то сделать только в крайних случаях. Несмотря на авторитет, на 2 году их почти не боятся. «Разгильдяев» обычно немного в войсках.

И наконец, четвертая категория- это «борзые» или «крутые». Это очень распространенная категория солдат в армии и людей вообще во всем нашем обществе. Характер имеют жесткий ,волевой, властный. Способны подчинять своей воле всех, кто чуть слабее их или зависит от них, даже солдат своего призыва. Это- прирожденные командиры. Почти все поголовно сильно развиты физически. Могут послать на 3 буквы или ударить даже офицера. Не боятся трибунала. Из-за этого часто попадают на гаупт-вахту или даже в дисбат. На первом году службы почти не «летают» ,а если и «летают», то только по уставу в учебке первые полгода. На втором году зверски гоняют, бьют и припахивают молодых. Из-за этого часто бывают разжалованы из сержантов в рядовые. Это- непререкаемые авторитеты. На них держится порядок в казарме в отсутствие офицеров и прапорщиков. Те это знают и поэтому всегда уважают их и всегда с ними считаются. Почти всегда это старшие сержанты и старшины. Нередко становятся после солдатской службы сверчками(контрактниками) или даже прапорщиками. Часто прямо в части пишут заявление о том, что хотят поступить в военное училище. Из них потом получают прекрасные офицеры или даже генералы.

На гражданке борзых тоже сразу видно: это многие менты, бандиты или даже просто те, кто живет расталкивая других локтями.

Глава 10.

Мое положение в армии определялось как «белая ворона». Хотя по указанной мной выше иерархии я занимал положение середняка все долгие 2 года, я все равно был сам по себе всегда. Инстинкт самосохранения подсказывал мне, что выделяться не стоит, но в то же время чутье говорило мне о том, что у меня нет и не может быть ничего общего с большинством из окружавших меня людей.

«Зачем мне эти люди?»- размышлял я- На гражданке я бы в жизни не подумал, что надо общаться с Шодмоновым, например. Что у меня с ними общего? Да и вообще армия мне зачем? Что я вообще тут делаю?»

Быть солдатом дано не каждому. Солдат- это такая же профессия, как и художник, учитель, адвокат, рабочий. Формирование профессиональной армии в нашей стране строится очень долго и своеобразно. Профессиональные военные у нас –это только прапорщики и офицеры. Контрактники и солдаты срочной службы- это второстепенные служащие нашей армии. Поэтому большинство случайных людей находятся именно здесь. И если контрактники идут на службу сами, то солдат- срочников заставляют делать то, что как правило они не хотят делать. И самое главное, солдаты-срочники в отличии от контрактников служат бесплатно.

Солдаты-срочники- это сложный и многообразный коллектив очень молодых мужчин, вчерашних школьников.

Я родился и вырос в интеллигентной семье. Интеллигент-это всегда тот, кто много раз подумает, прежде чем начнет общаться с каким-то незнакомым человеком. Поэтому все интеллигенты очень одинокие люди. Интеллигенты признают только себе подобных, таких же интеллигентов. Интеллигентность на гражданке –это умение всегда считаться с мнением окружающих и строить свою жизнь в соответствии с этим. Но интеллигентность в армии –это признак слабости. В армии тебя не спросят, хочешь ли ты общаться с кем-либо, кто может быть тебе глубоко противен. И здесь ничего нельзя сделать, ничего изменить. Армия-это сугубо специфический элемент общества и нужно принимать ее такой, какая она есть.

Уже через месяц-второй после начала службы я обнаружил перед окружающими свою интеллигентность. То есть слабость....

Однако мое положение было еще не самым плохим по сравнению с неким Андреем Козырем, парнем тоже из Куйбышева. Козырь несмотря на свою фамилию с самого начала службы показал себя очень плохо. Он не успевал вовремя готовиться к завтрашнему дню, плохо выполнял обязанности по нарядам. Не успевал по физической, строевой, огневой и радиоподготовке. И что самое главное-Козырь боялся постоять за себя, боялся дать отпор в дурдоме под названием: «армия». Окружающие, как в волчьей стае, тут же начали преследовать его и физически и морально. Однажды я решил хоть чем-то помочь ему. Я подсел к нему в расположении, когда рядом никого не было.

-Слушай, Андрей. -начал я- почему ты так себя поставил? Ты понимаешь, здесь армия, здесь надо уметь постоять за себя, показать свой характер. Пойми, мы пока находимся в учебной части, здесь почти нет дедовщины. Как ты будешь в войсках служить? Что ты слушаешь Нигманова? Он такой же курсант как и ты, нашего призыва. Я тоже человек мягкий по натуре, почти такой же как ты. Но я себя поставил. Я подчиняюсь только офицерам и сержантам. В войсках все будет еще проще: сержант -не сержант-главное сколько ты прослужил. Там надо будет на драках крутиться. Особенно вторые полгода службы до следующей осени. Что ты молчишь? Скажи что-нибудь.

Козырь молча, угрюмо слушал меня. Глядя в его испуганные затравленные глаза я видел, что он прекрасно все понимает, но боится сделать решительный, волевой поступок -утвердить себя среди курсантов-сослуживцев..

-Даже Шодмонов для тебя бугор. Думаешь, если он здоровый, то и подчиняться ему стоит? Чего ты боишься? -настаивал я на ответе.

Но Козырь молчал как партизан на допросе. Глядя на него мне было от души жаль его чисто по –человечески. Отныне я оставил всякие попытки перевоспитать его. Вскоре он окончательно опустил плечи. Об этом мне с хохотом рассказывали Нигманов и его друзья. Я был дневальным по роте в то утро и на зарядку , естественно, не бегал.

-Представляешь, бежим мы на утренней зарядке кросс 3 километра. Вдруг Козырь сворачивает в сторону, садится прямо у дороги и отправляет свои естественные надобности.

Я остолбенел на мгновение. Потом я спросил:

-А что, он не мог куда-нибудь забежать, укрыться? В кусты или еще куда-то?

-Там ничего поблизости не было. Лес был далеко. Но дело не в этом! Кто так делает ? Он просто чмо!

Я промолчал. Мне было противно и обидно за Козыря.

Отныне Козырь был чмо на всю нашу батарею. И даже просто разговаривать с ним считалось «западло». Офицеры и сержанты тоже старались поменьше контактировать с ним. Так человек на моих глазах превратился в ничто ,в ноль. Самое страшное, что внешне он так и остался человеком, но он не смог более жить среди нас по-человечески до конца службы в учебке. Как складывалась его служба в других частях я не знаю. Могу только догадываться, судя по учебке.

(Забегая вперед, скажу, что я разыскал Козыря через несколько месяцев после армии ,но общения у нас не получилось толком. Он избегал меня почти открыто. Я его понял в принципе. Слишком сильны были видимо тогда для него воспоминания о армейском прошлом и ему не хотелось общаться с тем, кто об этом знал.)

Глава 11 .

Этот день начинается с песни говорящей о наших делах,
О стране, что нет в мире прекрасней в молодых и горячих сердцах!
Эх славься, родная Советская держава!
Бессмертная песня, солдатская слава!

Такую песню пели мы всей батареей на любом построении. Запевалой был Рамазан Сулейманов. (Забегая вперед, скажу, что я с огромным трудом разыскал Рамазана Сулейманова уже в 2008 г, так как живет он и жил всегда в Дагестане, то общаться без Интернета на таком расстоянии очень сложно. Рамазан к сожалению, Интернет не освоил до сих пор. А разговаривать по телефону на большом расстоянии можно, но это очень дорого.)

Строевой подготовкой мы занимались почти все наше свободное время. Особенно это стало заметно с приближением весны. Весной в учебном классе мы начали изучать взводную песню. «Уроки по пению» преподавал нам сержант Фролов.

-Товарищи курсанты. нам пора изучать нашу взводную песню. Батарейная песня –это для всей батареи. А в каждом взводе есть еще и своя песня. Не надо стесняться. Это вам не гражданка, где подружка может приколоться: Ни фига себе! Здесь вас никто не видит и не слышит, кроме вас самих. Наша взводная песня будет звучать так:

-Связисты мы и это много значит! Мы всем нужны, недаром говорят! И на эмблемах наших не иначе 2 грозные молнии горят!- запел он вдруг низким баритоном.

-Связисты молодые! Ребята удалые! Не дрогнем мы в бою за родину свою! За Родину свою! –добавил он.

По классу прошел ропот. Некоторые смеялись. Некоторые сидели молча. Запевалой снова стал Сулейманов. Вскоре мы распевали в строю уже 2 песни.

Однако главной все-таки была радиоподготовка.

Она заключалась в основном в приеме на слух азбуки Морзе. Каждая буква и цифра имела свой напев для лучшего запоминания.

-Я на горку ушла! Это цифра 7-объяснял сержант.- Командир полка! Цифра 8.

-Я мал -я мал! Это буква я. Элероники- буква э. Закатики -буква з.

Каждый из нас по очереди вставал с места и отвечал на вопросы сержанта. Поначалу было очень сложно. Но привычка делала свое дело. Мне изучение азбуки Морзе давалось очень легко. К концу учебки я не только знал ее, но и неплохо принимал на слух.

Однако даже на занятиях по радиоподготовке -в общем-то самых сложных –часто происходило то, что было неуставщиной. Измученные в нарядах или на работах накануне занятий вроде уборки снега, мы не высыпались за 8 часов сна и клевали носами на занятиях. Командирами отделений было двое сержантов только на полгода старше нас по призыву. Это были младший сержант Сергейчук и младший сержант Семисынов. На занятиях они зорко следили за тем ,чтобы никто из нас не спал и не кемарил. Если курсант все-таки засыпал сидя, сержант осторожно подходил к нему сзади и с силой давал ему хорошего щелбана по голове. Через некоторое время неприязнь, а потом и ненависть резко установилась между нами и этими двоими сержантами. Это усугублялось еще и тем, что старые сержанты Фролов и Федоров никогда так не поступали с нами и всегда пользовались большим авторитетом среди курсантов. Если они и замечали какую-нибудь халтуру на занятиях с нашей стороны, они наказывали нас всегда строго по уставу. Например, был у нас во взводе некий курсант Бородинов. Этот парень, откуда-то из деревни, обладал огромным чувством юмора. Это спасало его в дурдоме под названием Армия. С Фроловым у них сложились отношения построенные на юморе. Фролов вообще всегда подкалывал любого курсанта, но особенно ему понравился Бородинов. Он почти всегда брал его в дневальные, когда стоял дежурным по батарее. Бесконечные шуточки и идиотские приколы Фролова, вызывающие у меня просто отвращение, вызывали у Бородинова глупый восторг перед превосходством младшего командира. С Витьком Чижовым у меня как-то состоялся разговор на эту тему.

-Слушай, Витек,--как-то обратился я к нему, когда рядом никого не было.- Как тебе Фролов? Мне он уже вот так надоел!- и я провел ладонью себе по шее

-Фролов? Да не знаю. Понимаешь, он сержант и теперь уже «дед». Что ты можешь сделать против него? Послать на 3 буквы? Он тебя в нарядах сгноит! И будет прав! Здесь армия, Антоныч! Надо терпеть! И потом 3 месяца учебки уже прошло, осталось еще 3 месяца. А потом мы уедем отсюда и больше никогда не увидим Фролова и других сержантов!

На дворе действительно стоял пока еще морозный, но уже весенний март. Только в конце месяца наконец-то стало заметно, что наступает весна. Снег почернел, стал мягким и липким. Его стало тяжелее убирать по утрам. Температура воздуха пока была морозной, но повышалась день ото дня.

-Уедем, говоришь?- вдруг ухватился я за другую мысль.- Черт с ним, с этим Фроловым! А куда ты собрался ехать? Куда именно тебя пошлют? -спросил я.

-Пока не знаю, но думаю, куда-то за границу.

-А почему ты так решил?- спросил я снова, затаив дыхание.

-Я просто так думаю,- ответил Витек не моргнув глазом.

Глядя в его простые глаза невозможно было понять, врет он или нет.

-Витек, короче кончай!- сказал я твердо решив выведать у него правду.- Что у тебя написано в военном билете? В какую команду ты приписан?

-Да я не помню! Что ты начал меня допрашивать!- начал уже гоношиться Витек.

-Я не начал!- ответил я.- просто в моем военном билете написано, что я приписан в команду 20 «А».А это означает, что служить мне надо за границей! В какую команду ты приписан? - спросил я снова.

-Я не знаю, Антоныч,- снова ответил Витек. Я понял ,что он не лжет.

-Хреново, Витек! Здесь армия и командиры, как ты уже понял, никогда до последнего тебе ничего не скажут. Но есть вещи, которые надо знать по любому. Команда 20 «а»- это служба за границей. Разве ты не знал? Вспомни, что написано у тебя в военном билете? - еще раз спросил я.

Лицо Витька вытянулось ,он задумался о чем-то крепко.

-Слушай, я не знал, что означают записи в военнике .Я не обращал на это никакого внимания- начал наконец он говорить. -Но по-моему, там тоже было написано команда 20 «а».

-Ты уверен ,Витек? - даже обрадовался я. Еще бы: возможно мне предстояло провести с Витьком не полгода службы в учебке, а все 2 года! Это не шутки! Друг в армии -это уже громадное облегчение, огромное благо!

-Витек! Надо по -любому заглянуть в военник и посмотреть ,куда ты едешь! Неважно куда тебя или меня пошлют: в Венгрию или в Германию! Мы ведь можем попроситься, чтобы нас оставили вместе служить! - заговорил я с жаром.

-Хорошо, Антоныч- ответил Витек.- Военники у нас собрал комбат сразу после призыва. Кстати, а почему они у него? Я как-то видел, как один из сержантов показывал нам свой военник. Сержанты все носят военные билеты при себе!

-Скорее всего, потому что мы курсанты и находимся в учебной части. -резюмировал я – Видимо, только поэтому. Потом в войсках, они будут при нас.

-Точно, Антоныч! -произнес Витек.- Хочешь, я спрошу у комбата разрешения на минуту заглянуть в военник?

-Конечно! Ты имеешь на это полное право! Военник ведь твой! Да-с!- протянул я глядя на растерявшегося Витька.- Задача не из легких! Но делать нечего! Надо посмотреть в военник! -уже на полушутливой волне закончил я.

Витек побледнел как полотно.

Я его понял. Пришло время рассказать читателю об очень колоритной личности-командире нашей батареи майоре Майорове. Судьба распорядилась так, что звание и фамилия этого человека совпадали. Я не знаю, усмешка ли это судьбы или просто удивительное совпадение, но факт оставался фактом: его звали майор Майоров. Это был властный решительный человек. В ту пору ему было наверное лет 36-38. Небольшого роста с красным лицом, но удивительно, всегда трезвый, он всегда был надраен до блеска, подтянут, выбрит и чист. Это был почти образцовый офицер. Сила его авторитета в батарее была безгранична. Только ему как командиру батареи дневальный должен был кричать команду: «Смирно!».Всем же остальным офицерам или прапорщикам: «Дежурный по батарее на выход!».Здесь началось муштрование меня и всех остальных знанием устава внутренней службы.

Курсанты никак не могли толком запомнить: кому именно и какую команду надо подавать. Дело в том, что некоторым незнакомым офицерам, которые занимали в штабе должности выше Майорова тоже надо было кричать: «Смирно!» Мы, солдаты только призванные в армию ,естественно их в лицо не знали. После некоторых казусов, когда команда «смирно!» не подавалась дневальным, нас начали учить узнавать в лицо всех офицеров штаба, чтобы не ошибаться в дальнейшем. Это было первое наше воспитание со стороны офицеров. Сержанты скрипели зубами от ярости, но молчали и ругались матом про себя или ночью вслух. Но поделаться ничего не могли.

У меня проблема была еще и том, что я всегда был близорук, но носить очки упорно стеснялся и стоя на тумбочке дневальным, я просто не мог разобрать издали, кто именно

вошел в казарму: комбат или нет. Вход в казарму был всего в 8-10 шагах от тумбочки дневального, но для меня даже это расстояние было большим. Я не собирался никого учить в лицо, кроме комбата. «Пошли они в жопу!»-решил я про себя – «Комбату буду кричать смирно! Всем остальным: Дежурный по батарее на выход! Пусть сержанты пыжаться перед этими дураками!». Сержанты как младшие командиры всегда несли большую ответственность по сравнению с рядовыми....

Дело в том, что мне в душе было глубоко наплевать на армию, комбата и сержантов. Мне было абсолютно все равно, что будут говорить обо мне окружающие. У меня всегда и везде на все было и будет свое мнение. И унижаться перед этими долбоебами в военной форме я просто не желал. Мне просто приходилось терпеть многие вещи, как и любому -особенно молодому-солдату. Командиры в глубине души это чувствовали.

«О чем думает солдат?» -как-то спрашивал у нас комбат на политзанятиях. Политзанятия = это был единственный вид занятий, который проводился только офицерами. И сам же отвечал: « О бабе, водке и ДМБ!». Все смеялись, но в то же время очень боялись сказать или сделать что-нибудь так, чтобы навлечь на себя гнев комбата. Мое пофигительное отношение к службе вскоре было замечено комбатом. Именно он впервые нарек меня за это: белой вороной. Очень сильный физически, он уделял особое внимание физической подготовке солдат. К концу учебки мы бегали кросс 3 километра 3 раза в неделю. Комбат же настаивал, чтобы мы бегали каждый день по 3 километра. Видимо, он всерьез решил сделать из нас просто образцовых солдат Советской Армии. Все ругались почему зря, но перечить воле высокого начальства никто открыто не смел. Все боялись гнева командира.

Однажды я стоял на тумбочке дневального прямо напротив большой спорткомнаты, где в это время было полно солдат с голым торсом.

-Представляешь, каждый день бегать 3 километра! Сдохнуть можно! Кому это надо? Что я дурак, что ли бегать?- с возмущением выражал я недовольство своему напарнику по наряду. Он хотел мне что-то ответить, но вдруг мы с ужасом услышали слова комбата:

-Котельников, ты не дурак, это мы все дураки каждый день бегать по 3 километра!

Оказывается комбат был в спорткомнате тоже голый по пояс и тоже тягал гири, штанги, подтягивался, отжимался. Я просто не заметил его в толпе солдат. Комбат вышел из спорткомнаты и спокойно прошел в канцелярию. Вскоре он вышел оттуда, одетый по полной форме. Сразу объявили построение всей батареи, комбат вышел в центр казармы и заявил своим громогласным голосом:

-Вот товарищ Антон из первого взвода не хочет больше бегать по 3 километра! Он не дурак бегать! А мы с вами все здесь дураки!

Я стоял в строю, уже сменившись с наряда, очень уставший и злой. Услышав тираду комбата, я был готов провалиться сквозь землю от стыда. Страх парализовавший мою волю на время, пока не выпускал на волю никаких эмоций. Оказывается, комбат знал меня по имени! И это среди 60 человек солдат и еще 12 сержантов! Чудеса да и только!

Правда был еще в нашей батарее еще один Антон Хачатурян-армянин, почему-то из Баку, а не из Еревана.(С тем Антоном у нас не получилось почти никакого общения, так как мы были совершенно разными людьми и служили в разных взводах, но как это ни странно я случайно разыскал его по Интернету уже в 2008 году -через 20 лет после призыва. Мы были очень обрадованы нашей неожиданной встрече. Мы говорили о службе и не могли наговориться. Правда никакой дружбы у нас с ним не получилось.)....

....Отныне я был в «опале» у комбата почти до самого конца учебки. Но надо мной никто не подшучивал из сослуживцев и сержантов. Потому что во-первых, все боялись комбата, во-вторых, в глубине души все считали, что действительно бегать каждый день 3 км –это чересчур. Просто через некоторое время сержанты договорились между собой и с нами, чтобы так нагрузить нас всякого рода работами, занятиями, нарядами и караулами, что времени на пустую

беготню у нас просто не осталось. Комбат позлился некоторое время, но потом видимо сам понял, что бегать 3 км надо не более 2 раз в неделю. Но меня комбат больше в покое не оставлял. Однажды в наряде я из-за близорукости опять с опозданием подал команду :Смирно!

-Так, где дежурный по батарее?- спросил у меня комбат, подойдя ко мне вплотную.

-Дежурный по батарее на выход! -с ужасом крикнул я все мгновенно поняв.

Из ленинской комнаты вышел дежурный по батарее -сержант соседнего взвода Ахмедов. Увидев комбата, он побежал к нам. Ровно за 4 шага до офицера он перешел на четкий строевой шаг, за 2 шага остановился, грохнув сапогами, отрапортовал приложив правую руку к пилотке:

-Товарищ майор, за время моего дежурства происшествий не случилось! Дежурный по батарее сержант Ахмедов.

-Ахмедов, этот солдат испытывает мое терпение уже не раз! Он плохо знает устав! Возьми устав внутренней службы и заставь его еще раз повторить свои обязанности.

-Слушаюсь, товарищ майор!- ответил Ахмедов. Комбат ушел.

-Что случилось, Котельников?- спросил Ахмедов. Я понял ,что лучше не врать.

-Команду подал не сразу- ответил я, зная, что меня сейчас накажут.

-Почему?

-Я не сразу разглядел его, не узнал издали,- честно ответил я. Ахмедов вздохнул, глядя на меня.

-Зови напарника из туалета- приказал он- Иди, иди, я пока тебя заменю.

Я пошел и позвал напарника по наряду, который убирался в это время в туалете. Ахмедов поставил его на тумбочку, а мне сказал:

-Даю тебе 1 час времени, через час туалет должен блестеть! время пошло!

Я пошел убираться в туалет. На сержанта я зла не держал. Он просто выполнял свою воспитательную работу с подчиненным.. На его месте я бы поступил также. С комбатом же дело приняло совсем крутой оборот. Я понял, что теперь нет мне здесь нормальной жизни вплоть до конца учебки. «Вот, сволочь! -думал я про себя, моя пол в туалете. -Я испытываю его терпение! Надо же, вот урод! Дался я тебе! Пристал ко мне как банный лист. Других забот что ли у него нет? Ничего, здесь служить осталось еще максимум 2 месяца. Перетерплю!»-решил я про себя.

Однако я еще не знал, что меня ждет впереди.

В канун 23 февраля в части начали готовить праздничный концерт посвященный годовщине Советской Армии. Готовил его от нашей батареи не кто-нибудь, а лично старший лейтенант Романов- замполит нашей батареи. Кстати, в то время ему было всего 23 года, то есть он был старше меня на 4 года. Он подробно опрашивал каждого солдата, кто что может исполнить :спеть песню, сыграть на гитаре и т.д. Я быстро смекнул, что если я что-нибудь сыграю на фортепиано, которое стояло в клубе на сцене, то начальство будет довольно, а главное: я получу привилегии -свободу от нарядов и работ хотя бы на время. Я быстро подошел к старлею.

-Товарищ старший лейтенант,- начал я,- я закончил музыкальную школу несколько лет назад. Могу сыграть что-нибудь ,если мне дадут ноты и время на подготовку.

-Да?- удивился Романов, -А «Шутку» Баха сможешь сыграть?

Я задумался. «Шутка» Баха-это не шутки,- подумал я тут же вспомнив это знаменитое произведение для флейты,- но попробовать можно.»

-В принципе смогу. «Шутка»написана для флейты. На пианино ее можно сыграть ,но мне надо позаниматься .-я уже открыто просил освобождения. -До праздника еще 2 недели. Мне нужно позаниматься несколько дней в клубе так, чтобы мне никто не мешал и ноты «Шутки».

Тут задумался старлей. Видимо, слишком много солдат сразу просили его об освобождении о службы.

-Хорошо, -согласился он.- Через пару дней напомнишь мне и пойдем в клуб.

Через несколько дней действительно нескольких солдат в том числе и меня сразу после завтрака отпустили в клуб со старлеем. Сержанты злились и матерились: целых 7 человек-курсантов ушли по приказу замполита на весь день! Но к счастью здесь ничего поделывать они не могли -это был приказ офицера-замполита.

В клубе я подошел к пианино и попытался хоть что-то сыграть. У меня ничего не получилось почти. Слух был очень развит с детства, но без нот сразу сыграть что-нибудь стоящее было очень сложно. Я с трудом подобрал «Ласковый май» и «Фристайл»-две самые популярные группы того времени. Бойцы и старлей слушали одобрительно кивая головой. По реакции окружающих сразу было ясно, что никто из них никогда в жизни не подходил к пианино даже близко.

Когда же я подобрал «Модерн токинг»-германскую группу, с которой никто не мог соперничать тогда из зарубежных, старлей заулыбался, но все также сурово завершил:

-В общем нот «Шутки» я достать не могу. Ты можешь сыграть ее на слух? Слух у тебя есть.

Я отрицательно покачал головой, улыбаясь про себя тупости командира.

-Без нот нет. Это слишком сложно.- сказал я с грустью понимая, что освобождения от службы мне не получить. -Но почему вы хотите именно «Шутку»? Может есть другие ноты? Можете что-нибудь принести?

-Я попробую. -ответил Романов.- Давай в казарму. Придешь сюда через день- два. Я тебя вызову.

И он стал заниматься другими кандидатами на концерт.

-«Вот сука,- подумал я неохотно идя в казарму. -что мне делать в роте? Все ушли на занятия. Но и в клубе тоже делать нечего. Я- то думал вообще не пойду никуда. А так...Зачем мне это надо, если старлей не хочет меня освободить от службы хотя бы на несколько дней? Он думает, я просто так взял и сыграл «Шутку» Баха? Это даже не для музыкальной школы. «Шутку» реально сможет сыграть студент музучилища фортепианного отделения и подготовившись заранее. А он хочет, чтобы я так ,играючи, ее сыграл? Если не освободит меня от нарядов и работ минимум на неделю, я вообще ничего играть не буду» ,-решил про себя я.

Придя в казарму, я схитрил. Я знал, что если скажу правду дежурному по батарее сержанту, что я теперь свободен ,он сразу же отправит меня или в класс на занятия или еще хуже, заставит что-то делать в казарме. Поэтому я сделал просто.

Зайдя в расположение, я увидел ,что казарма пуста. Дневальный-курсант из соседнего взвода- молча смотрел на меня не говоря ни слова.

-А где дежурный по роте? -спросил я .

-В ленинской комнате, -ответил он мотнув головой.

Я направился прямо туда, зная, что сильно рискую, но делать было нечего -незаметно находиться в роте до обеда было невозможно. А идти в чайную или еще куда-либо было небезопасно и потом у меня не было денег.

Я вошел и увидел троих: старшего сержанта Акмалова из 3 взвода, который был в тот день дежурным по батарее и двоих прикомандированных к нашей батарее рядовых- «черпаков» водителей, которые видимо свободные от контроля начальства готовили себе здесь дембельские альбомы.

-Разрешите, товарищ старший сержант? -сдержанно спросил я.

Акмалов молча вопросительно повернулся ко мне.

-Меня отпустили из клуба до обеда,- соврал я.- Старший лейтенант Романов просил меня быть в казарме и ждать его звонка из клуба. После обеда сразу иду туда готовиться к концерту. Разрешите почитать газеты?

-Читай!- нетерпеливо разрешил Акмалов, видимо очень занятый. -Только сиди тихо и нам не мешай.

Деды тихо совещались между собой по поводу своих альбомов, не обращая на меня никакого внимания. Я подумал, что Акмалов не должен был бы по идее с ними это обсуждать, так как оба водителя прослужили на полгода меньше его. Но мне это было пофиг, кто там что с кем обсуждает, если это не касалось меня напрямую.

Так я был свободен от службы до обеда, сидя в теплой ленинской комнате и листая газеты. Еще бы! На улице было около 15 градусов мороза. После обеда я пошел бродить по части, зная, что в казарме больше оставаться нельзя. Несмотря на риск быть остановленным каким-нибудь офицером, я ходил по части не желая, чтобы меня опять заставили что-нибудь делать. Я снова подошел к клубу и вошел в зал, где уже никого не было. И быстро вернулся в казарму, понимая, что больше шататься мне нельзя.

Позднее выяснилось, что Романов много кому что обещал и почти ничего не выполнял. За это он быстро получил в курсантской среде прозвище: «Обещалкин».

Однако концерт посвященный 23 февраля все же состоялся и я в нем участвовал, но не играя «Шутку» И.С. Баха, а изображая корабль в игре «морской бой».

Глава 12.

В начале февраля неожиданно объявили о готовящихся стрельбах. Каждая батарея разделилась и повзводно ходила на стрельбище -огромное занесенное снегом поле прямо рядом с частью. Когда наш взвод вышел на стрельбы, мне было не по себе. Еще бы! Я никогда до этого не стрелял из автомата! Тем не менее, я тщательно скрывал свои чувства и помалкивал чисто механически выполняя команды сержантов и офицеров. Когда мне приказали лечь прямо на снег на исходный рубеж в шинели с автоматом, я не раздумывал ни минуты.

-Товарищ капитан, рядовой Котельников к стрельбе готов!- отрапортовал я, сняв АКМ с предохранителя, обращаясь к рядом стоящему офицеру.

-Огонь!- скомандовал он. И я открыл огонь сначала одиночными, а потом и очередями. Мишень я видел очень плохо, несмотря на то, что очки на стрельбище мне пришлось одеть. Через некоторое время, мне сказали мои результаты:

- Котельников, 3 попадания в 8, 9 и в 10! Остальные в «молоко»!

Я облегченно вздохнул. Для меня стрельбы были закончены. Забегая вперед, скажу, что стрелял я за 2 года всего 3 раза: 1 раз в учебке и 2 раза в полку связи в Улан- Баторе. Зато чистил автомат я бесчисленное количество раз и к концу службы мог его разобрать и собрать с закрытыми глазами за пару минут.

Где-то через неделю, в отместку уходящей зиме, объявили лыжный кросс 3 километра по лесу с полной боевой выкладкой. Это было гораздо интереснее, чем стрельбы. Даже теперь -спустя много лет с тех пор- я с улыбкой вспоминаю солдатские деревянные лыжи! В отличии от гражданских, на них не было креплений для ботинок. Там были специальные ремешки для крепления солдатских сапог. Каждый воин просто вставал на них прямо в кирзовых сапогах и закреплял их этими ремешками. Я впервые в жизни видел такие лыжи, но у меня был кое-какой опыт.

Что тут началось в батарее! Рамазан Сулейманов кричал, что в таких лыжах он вообще никуда не уедет. Прочие азиаты тоже очень переживали. Еще бы! Они никогда до этого не вставали на лыжи!

Здесь у меня было преимущество.

Я -то на лыжах постоянно бегал! Еще в 1986-87 году -в возрасте 16-17 лет, живя в Куйбышеве, я впервые самостоятельно пересек замерзшую Волгу! И ездил каждый год по несколько раз за зиму вплоть до самой армии.

.....Весь взвод растянулся по лесу. Сержанты орали на нас пытаясь проконтролировать, но без толку. Я оторвался от своих товарищей и спокойно ехал приближаясь к финишу. Вещме-

шок и автомат за спиной не мешали мне совсем. Главное было здесь не упасть на лыжне. Многие попадали тогда, извалявшись в снегу. Особенно Рамазан Сулейманов, который до армии вообще не видел снег ни разу в жизни.

Еще через неделю- уже в конце февраля- объявили учебную атаку на заснеженном поле с автоматами, но ,слава богу, без вещмешков.

Раньше, когда мама в детстве включала по воскресеньям телепередачу«Служу Советскому Союзу» и я видел на экране бегущих в атаку наших солдат, я думал ,как хорошо и здорово служить в армии и быть солдатом. Теперь я проклинал и армию и командиров и зиму и снег, но главное ,я проклинал свою собственную глупость. Более тупого занятия, чем учебная атака придумать сложно. Особенно зимой. Длилась она недолго -около часа, но этого было вполне достаточно. Мы побегали по полю проваливаясь по пояс в снег с криками «УРА!»,как герои какого-то фильма. Потом построились и пошли в казарму. «Вот дурдом конкретный эта армия . Что это- подготовка солдат для атаки на случай войны? И это тогда ,когда есть ядерное оружие? Это ведь глупость! -подумал я, сдавая автомат в оружейную комнату».

В армии вообще и в учебке в частности, я стал испытывать страсть к сладкому .Раньше на гражданке, я как –то не замечал этого. Видимо, слишком спокойная у меня была жизнь. Здесь питание было скудное и однообразное, несмотря на то, что материальное положение армии было еще на достаточно высоком уровне. Помимо питания, мы еще получали и денежное довольствие в размере 7 рублей в месяц для рядовых. Сколько получали ефрейторы, сержанты и тем более, офицеры я точно не знаю, но точно больше нас намного. Все зависело от должности, а не от звания. Помимо этого, каждый из нас получал каждый месяц денежные переводы из дома. Учитывая полное государственное обеспечение, мы могли тратить свои деньги, так как нам хотелось. И в первую очередь : сходить в чайную попить чаю с коржиками, конфетами и пирожными. Это была главная радость для молодого солдата. В первые месяцы службы, где-то до весны 1989 года, мы были очень ограничены в передвижении по части. Каждый наш шаг контролировался сержантами. Чпок, что в переводе с солдатского жаргона означает: «чрезвычайная помощь оголодавшему курсанту»- находился как назло прямо рядом со штабом. Видимо, это было сделано специально.

Служа уже позднее, в других частях, я никогда больше такого нигде не видел- чтобы чайная была рядом со штабом. Такая ситуация здесь была, видимо, исключением. Сержанты видимо поэтому почти никогда не отпускали нас в чайную. Поэтому, чтобы попасть туда, приходилось идти на всевозможные уловки.

Один раз и мне пришлось буквально «выпрыгнуть из штанов»,чтобы попасть туда. Однажды нас повели строем в солдатский клуб на просмотр какого-то фильма идейного коммунистического содержания. Сопровождал нас старший сержант Федоров. Зайдя в зал, я внимательно огляделся. Из зала было 3 выхода. Федоров сидел сзади нас в центре. Позади него, то есть вне зоны его внимания был только один выход. Когда мы расселись в зале и начался фильм, свет тут же погас. Я быстро под прикрытием темноты пересел на задние кресла .и снова незаметно и внимательно посмотрел на Федорова. Все курсанты и он, как это ни странно, смотрели на экран почти неотрывно. Через несколько минут я снова пересел назад и был уже позади Федорова. Улучив удобный момент, я быстро выскочил из клуба и бросился бежать прямо в чпок. Я понимал, что дорога каждая минута и что мне надо вернуться в клуб до окончания фильма причем так, как будто я никуда не уходил.

Подходя к штабу я инстинктивно перешел на шаг, во избежание подозрений со стороны какого-нибудь офицера. Слава богу, никого из этих «фараонов» около штаба не было. В глубине души я презирал всех офицеров за постоянные докапывания к солдатам и всевозможные «воспитания через коллектив».

Я всласть напился фруктовых соков и наелся лукуму, мармеладу, кексов и пряников.

«Когда еще сюда попаду?»-подумал я. Однако надо было подумать и о Витьке. Поэтому я в каждый из карманов брюк-галифе положил по кексу: один Витьку, один мне за мои труды на сон грядущий. Я проверил перед большим зеркалом в чепке, не заметно ли со стороны, что у меня в карманах что-то есть, подтянул ремень и заправился. Все было в ажуре. И опрометью бросился бежать назад в клуб, на ходу уже сочиняя легенду, на случай, если меня поймают.

Каково же было мое удивление и ужас, когда я увидел, что клуб пуст! Видимо фильм кончился раньше времени или его прервали. Взвод ушел в казарму. Не раздумывая ни секунды, я бросился бежать за ними.. Я уже представлял, что будет со мной ,если меня начнут искать мои сослуживцы. Об этом было страшно даже подумать. Вбежав в расположение, я увидел наш взвод, стоящий строем и перед ним сержанта Федорова. Видимо, уже хватились моего отсутствия, но пока меня еще не искали. Я опрометью бросился прямо к сержанту.

-Товарищ старший сержант, извините, что так получилось, у меня было плохо с желудком в клубе и я уходил в туалет,- быстро тараторил я не давая Федорову опомниться .-Когда я вернулся ,вы уже ушли.

В казарме нависла тишина .Паша Пустовой и другие начали переглядываться и перемигиваться между собой. Я нутром чуял., что они все догадываются, где я был на самом деле. Но я не боялся предательства в данном случае, так как я был не первый и не последний курсант, который пошел на хитрость, чтобы обмануть командира. Все знали, что самовольные отлучки куда бы то ни было караются очень жестоко: 3 наряда вне очереди в солдатскую столовую или на свинарник или уборка туалета ночью. Все ждали резюме командира.

-И что же, сильно у тебя живо скрутило?- наконец заговорил Федоров.

-Сильно, товарищ старший сержант! Вы же знаете, как нас кормят.

Надо отдать мне должное, но моя «легенда» имела под собой почву и солидную. Действительно, питание в солдатской столовой оставляло желать лучшего и неоднократно многих из нас прихватывало в самых неожиданных местах, даже в карауле! Ведь человеческому организму нельзя отдать приказ. Здесь армейские законы были бессильны. И сами сержанты это прекрасно знали. Поэтому я не очень удивился, когда Федоров сказал:

-Становись в строй, Котельников. -он мне поверил.

Позднее вечером, сидя с Витьком в расположении я ,убедившись ,что нас никто не подслушивает, захлеб рассказывал ему подлинную историю о том ,где я был пока взвод был в клубе. Мы смеялись как безумные.

-Антоныч! я сразу понял, что ты был именно в чепке. Не стал бы ты так таинственно исчезать в клубе! Я ведь уже тебя немного знаю!«Ходил в туалет»! Молодец! Но главное, что Федоров тебе поверил! А то бы представляешь, что бы было? Минимум 3 наряда на свинарник! Вне очереди!

-Да ,Витек! мне повезло! Но ты не думай, что я такой гад, сбегал в чпок, нажрался и не подумал о тебе! На вот, ешь!- сказал я и дал ему один из кексов, принесенных из чайной.

-Ты настоящий друг, Антоныч!- сказал он, радостно жуя кекс.

С тех пор мы стали действительно настоящими друзьями. Из всего взвода я по-настоящему подружился только с ним. Витек был несколько странным парнем. Странность выражалась в манере говорить, себя вести и т.д. Это была не то, чтобы странность, а своеобразность его характера. Он был немного слабоват именно духовно. В армии молодому парню предстоит жестокий выбор: или стать мужчиной везде и во всем или так и остаться мальчиком, каким он был до армии. Позднее я понял, что даже вопрос возраста здесь ни при чем. Как я уже писал выше, многие призываются в армию не в 18 лет, а гораздо позднее. Уже гораздо позднее, в другой части я видел отъезд двух дембелей по домам. Но какие разные были эти отъезды!

Первому было уже 23 года, он был рядовой и ехал домой с пустыми руками. У него не было даже нормальной шинели и шапки, чтобы не было стыдно выйти в родном городе на

вокзале или в аэропорту. Никто уже не обращал на него никакого внимания в последние дни перед отъездом по домам. Его уже как бы не было среди нас, вплоть до самого отъезда из части.

Второму был 21 год. Он был старший сержант. Служба многое дала ему. И внешне и внутренне это был настоящий мужик. Авторитет его был непререкаем даже в день его отъезда. С собой он вез 2 чемодана вещей, купленных во время службы. Все на нем блестело, горело, играло, когда он в последний раз прошелся по казарме и навсегда покинул ее.

Они прослужили одинаково по времени, но старший по возрасту не имел того, что имел младший. Возраст в армии – не определяет отношений. По крайней мере, у солдат. Но думаю, что и у офицеров тоже так же. Все зависит от человека, а не от возраста.

Забегая вперед, скажу, что судьба разлучила нас с Витьком после учебки, но свела снова вместе, когда мы были уже дембелями.

Глава 13.

Комбат в последние 2 месяца перед моим отъездом в другую часть, видимо чувствуя, что скоро мы с ним расстанемся, решил всерьез взяться за мое «воспитание».

Когда пришли теплые апрель и май, нам выдали хэбэ- хлопчато- бумажное обмундирование взамен пэша и пилотки вместо шапок. Шинели за ненадобностью мы сдали в каптерку старшине. Теперь мы часто бегали кросс 3 км причем всегда почти с голым торсом. Комбат, зная мое отношение к кроссу, постоянно зорко следил за мной, чтобы я не отлынивал от этого. Если сам комбат не мог следить за мной, он обычно обязывал это сделать кого-нибудь из сержантов. Наказанием у сержантов после наступления весны почти всегда стало одно: строевая подготовка на плацу.

Для меня же это было проще, чем бегать, как дураку, по части. Поэтому отныне я часто маршировал в одиночестве по плацу, периодически отдыхая, пока сержант не видит.

Один раз я ухитрился уйти с поста стоя в наряде на КПП дневальным. Я отсутствовал всего 10 минут, но когда возвращался назад с ужасом увидел старшину батареи прапорщика Живокоренцева поджидавшего меня у КПП.

-Где же ты был, товарищ солдат?- спросил он.

-За печенъем ходил, товарищ прапорщик,- мрачно ответил я, зная, что я попался и буду очень сильно наказан.

-Что же ты пост бросил?

-Да я всего 10 минут не был! -попытался я оправдаться, но слова застряли у меня в горле. Но старшина почему-то не стал меня наказывать. Почему я не знаю. Видимо он понял, что это просто бесполезно.

В другой раз я внаглую решил пойти в чайную, несмотря на то, что штаб издали походил на растревоженный пчелиный улей из –за огромного количества офицеров и прапорщиков, которые приехали на какие-то учения. Мне эти учения были до фонаря. И я попался как гусь во щи. Как только я подошел к чепку, вдруг меня окликнул майор Васюков -командир нашего дивизиона.

-Что это Вы ходите, товарищ солдат?- спросил он.

-Я свободен от наряда, товарищ майор, ответил я.- Меня отпустили- соврал уже я. На самом деле меня никто не отпускал в чпок. Просто мой расчет строился на том, что Васюков меня отпустит.

-И кто же Вас отпустил?, -спросил майор.

-Старший сержант Федоров- ,не моргнув глазом, но внутренне похолодев, ответил я.

-Хорошо, идите, а сержанта Федорова я вызову к себе в кабинет для разговора.

Я не знал, как поступить: то ли сразу вернуться в казарму, то ли зайти в чпок. Но в чпок все же зашел. Больше всего меня раздражало то, что все офицеры знали в лицо каждого

солдата в части, несмотря на то, что там было 10 батарей по 70 человек каждая и еще всякие вспомогательные подразделения, где солдаты служили не по полгода как в батареях, а все 2 года. Как можно в такой массе народа всех запомнить в лицо? Для меня это было непостижимо.

Васюков же знал вообще всех! Такие люди как он рождаются для того, чтобы до конца своих дней мучить своих подчиненных.

«Вот сволочь- думал я идя в казарму -Всех знает и видит! Просто какой-то господь бог! Откуда такие люди берутся? Это просто какой-то кошмар!». Федоров естественно вызвал меня потом на разбор, куда это я ходил без спроса. И я честно отгащил все 3 наряда вне очереди.

Вскоре ко мне в гости приехала мать. Она заранее оповестила меня письмом о возможном приезде и примерно сообщила дату, чтобы я ее ждал. Я был в очередном наряде по столовой и с рядовым Сайнурдиновым нес огромные носилки с канистрой полной подсолнечного масла, когда к нам подбежал дневальный с КПП и крикнул:

-Котельников! Иди в казарму и переодевайся и на КПП бегом! К тебе приехали! –и тут же убежал назад.

Мы почти бегом донесли носилки до рыбного цеха. Потом я бегом побежал к старшему рабочему-сержанту Акмалову и сказал:

-Товарищ сержант, ко мне приехали. Разрешите идти?

Акмалов молча кивнул головой. С наступлением весны родители и родственники и друзья и девушки стали чаще приезжать к солдатам. Поэтому в моей просьбе не было ничего предосудительного. Все равно дежурный по КПП офицер выпускал всех солдат из части только с увольнительной подписанной лично командиром батареи. А увольнение любому солдату давалось только в том случае, если к нему приезжал прямой родственник: мать, отец, сестра, брат, жена.

Надо ли думать в каком состоянии я добежал до казармы и взяв у старшины парадку, начал переодеваться? Я переодевался в парадную форму уже летнего образца: китель, рубашку, галстук, брюки прямого покроя, фуражку, ботинки. Комбат в это время находился дома. Получив увольнительную и военный билет на руки, я взял его домашний адрес и побежал к нему домой, чтобы он поставил на увольнительной свою подпись. В то время у людей не было еще постоянной привычки созваниваться перед встречей, как это происходит в современной армии. К счастью он был еще дома, но собрался куда-то уходить. Я застал его уже в дверях.

-Эх, Котельников, не надо бы тебя отпускать в увольнение. Но раз мать к тебе приехала, делать нечего, = полшутя- полусерьезно сказал комбат, ставя свою подпись прямо на улице, подложив под увольнительный лист кожаную папку.

Я поблагодарил его и стремглав бросился к воротам части, где меня ждала мать. Радости моей и ее не было предела. Она привезла мне целый чемодан вкусных вещей: лукун, щербет, зефир, сгущенное молоко, грудинку, тушенку и еще много-много всего. Мы не могли наговориться и пошли в гостиницу в городе Каменке, где мать уже заранее сняла номер.

-Ну что ты, сыночка! , -все повторяла она с волнением глядя на меня. Я вымылся в душе и она стала усиленно угощать меня всякими вкусностями из чемодана.

-Да ладно, мама! Все нормально. Есть трудности, но где их нет?- отвечал я на ее взволнованные вопросы о моем житье-бытье. Она с волнением и тоской всматривалась в меня пытаюсь догадаться самой обо всем.

Как наивен и глуп я был тогда! Для матери и отца мы всегда останемся детьми, на всю жизнь, сколько бы лет нам ни было! Но чтобы это понять, надо самому стать отцом или матерью. Или хотя бы достичь возраста 35 лет-возраста зрелости. Что я мог понимать тогда, находясь в возрасте 19 лет? По сути я еще был ребенком. Но уже с 14 лет я стал критически относиться ко многому, что говорила или делала мать. Особенно меня раздражало ее постоянное недовольство моим отцом, с которым они уже давно были в разводе. Зачем преследовать человека, если ты давно с ним расстался, а дети выросли? Отца я практически и не знал толком.

Он ушел из семьи, когда мне было лет 5. Много позже, уже после армии, мы встретились с ним и поговорили, но общения не вышло толком. Он так и остался на всю жизнь мне чужим человеком.

-Твой отец, подлец такой ,мог бы и приехать к сыну в армию. Тем более, что Каменка так близко к Куйбышеву! Всего 8 часов на поезде!- говорила мать.

-Что ты мама,- ответил я.- Он ведь и адреса моего не знает! Да и зачем ему приезжать?-

У отца уже тогда, в конце 80-х годов была другая семья.

- Адрес я могу сообщить! Или ты сам можешь написать! Мы с ним познакомились, когда он сам служил в армии в Подмосковье. Было это в 1965 году, -с огорчением сказала мать.

Я молчал, не зная, что сказать. Мне было неловко перед матерью за ее неудавшуюся жизнь с моим отцом.

В 1989 году матери было всего 53 года, но учитывая, что она одна воспитала 3 детей, здоровье ее было уже очень подорвано.

-Как дома- спросил я.

-Нормально.

-Яна пишет тебе?- спросила мать.

-Пишет. Но редко. -ответил я. Яна была моей старшей сестрой, которая еще в ранней молодости уехала из дома и жила самостоятельно в другом городе-Ленинграде Она была на 10 лет старше меня. У нее уже была семья: муж и ребенок-сын.

-Она снова беременна,- сказала мать. -Скоро, осенью, она снова станет мамой. У меня теперь будет уже внучка.

- Да, я знаю! Она писала! А ты представляешь, мама, у нас здесь мои однопризывники уже многие женаты и с детьми! -сказал я.

Это было чистой правдой. Был у нас в батарее некий рядовой Пивоваров, который постоянно говорил о том, что вот если бы у него был еще один ребенок, (один у него уже был),то в армию его бы не взяли. Мы всем взводом за эти разговоры презирали и ненавидели Пивоварова.

«Попал в армию и помалкивай! -думал я про себя- Чего все время говорить о том, чего было бы?! Мало ли я чего хочу? Я вообще не хочу служить! И что с того? Кто меня освободит от этого?»

Некий рядовой Макаров тоже был уже отцом. Макаров был большой 20-летний чалдон, который поражал нас всех своими размерами. (Забегая вперед, скажу, что Макарова –он был тоже из Куйбышева- я разыскал с огромным трудом лет через 15 после армии и испытал огромное разочарование! Это был тот же, теперь уже повзрослевший чалдон! Огромный увальень, который работал на 2 работах охранником и жаловался на тяжелую жизнь в России.. Я слушал его и поражался! Это был законченный клоун и балбес, который упорно не хотел понимать того, что жизнь в стране очень изменилась и надо тоже меняться.)

По поводу женитьбы и детей я вообще тогда не думал. Я был от всего этого очень далек тогда.

Мне было уже очень сложно говорить с матерью! Особенно, когда я попытался с ней поговорить об армии. Мать не разбиралась здесь вообще ни в чем! Проработав всю жизнь в музшколе при ОДО -окружном доме офицеров в Куйбышеве, она даже не разбиралась в офицерских званиях! Впрочем, что было ожидать от женщины? Женская логика вообще не постижима для мужчины. Просто это надо понимать и все. И не говорить с женщинами на темы, которые далеки от них.

-А я тебе привезла газеты, журналы- сказала мать. Она всегда думала о моем духовном просвещении.

-Кстати, мама ,ты знаешь у нас в клубе висит картина Ильи Глазунова «Россия».Представляешь ?-сказал я. - Когда я первый раз увидел, вообще обалдел. За газеты и журналы спа-

сибо! У нас здесь есть и библиотека .Правда, читать больно некогда. Пока некогда. А фотографии вы получили?- вдруг вспомнил я.

Еще в конце зимы нас водили в клуб фотографироваться на цветные фотографии. Так как почти ни у кого из солдат не было денег, чтобы заплатить за это, нам всем предложили выслать фотографии наложенным платежом домой с просьбой родителям, чтобы они оплатили их на почте при получении.

-Да, получили. Прости, сын, я долго не решалась их выкупить .Больно дорого они стоили: по 80 копеек за штуку, а всего было 6 фотографий. Но потом все же заплатили, -со стыдом, сказала мать.

Забегая вперед скажу, что это были единственные фотографии об армии, которые сохранились со службы.

Мать словно открыла мне окошко в другую жизнь. Без армии и командиров, без драк и матерщины. Там, в той жизни все было иначе, не так как в армии. Там все было другим. Здесь меня безусловно поймут те, кто служил в армии. Живя по одним законам невозможно сразу же перестроиться на другие. Но я почему-то уже почти не скучал по дому. Не знаю почему. Наверное, боялся показаться в глазах окружающих смешным. А может потому что служба моя только начиналась и я должен был еще служить более, чем полтора года.

Девушки до армии у меня не было. Так вышло. Правда ,к нам в часть иногда приходили школьницы из 10 класса какой-то местной школы, но общались они только с Васей –бычком и другими старослужащими сержантами. Мы, духи, для них пока не были кандидатами в женихи. Правда, некоторые мои сослуживцы делали отчаянные попытки завести с ними отношения, но безуспешно. Особенно это проявилось на военном параде в Каменке на праздник 9 мая- день победы.

«Вот идиоты,- наблюдал я своими сверстниками, которые бегали за девчонками. –

Я в жизни ни за кем бегать не буду. Так себя не уважать! Пресмыкаться перед этими дурами! Нужны вы им больно!»-думал я .

Так что писать в армию мне ,кроме самых близких друзей и родственников было просто некому. И в армии я ни за кем не бегал и не искал знакомств.

Однако к нашему расставанию на следующий день, я с грустью сделал для себя одно печальное открытие: мать моя обладала уже тогда большими странностями в характере. Пока она была еще очень интеллигентной женщиной, педагогом музшколы. Пока еще эти странности не носили параноидного характера, какими они стали в возрасте после 60 лет- только в конце 90 годов. До этого было еще далеко ,но уже тогда в 1989 году, она например периодически повторяла странные вещи:

-Давай оставайся, учись на офицера! –Или- А тебя пораньше не отпустят из армии? – Или- А можно тебе позвонить в часть?

- Я не хочу быть офицером, мама! Нет, мама, не отпустят. Нет, позвонить мне нельзя.- пока терпеливо отвечал я.

В каждой казарме стоял внутренний телефон, который имел связь с КПП, но звонить из города, тем более из другого, и звать каждого солдата к телефону было совершенно невозможно. На переговоры с родителями все солдаты ходили на переговорный пункт только в увольнение с разрешения командира. В военное училище поступало в учебке всего несколько человек. Один из них был Сергей Новиков из какой-то деревни в Ульяновской области. Новиков был одним из немногих моих сослуживцев, которого я очень уважал. Это был на редкость грамотный и образованный парень ,с которым было очень интересно поговорить в отличие от многих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.